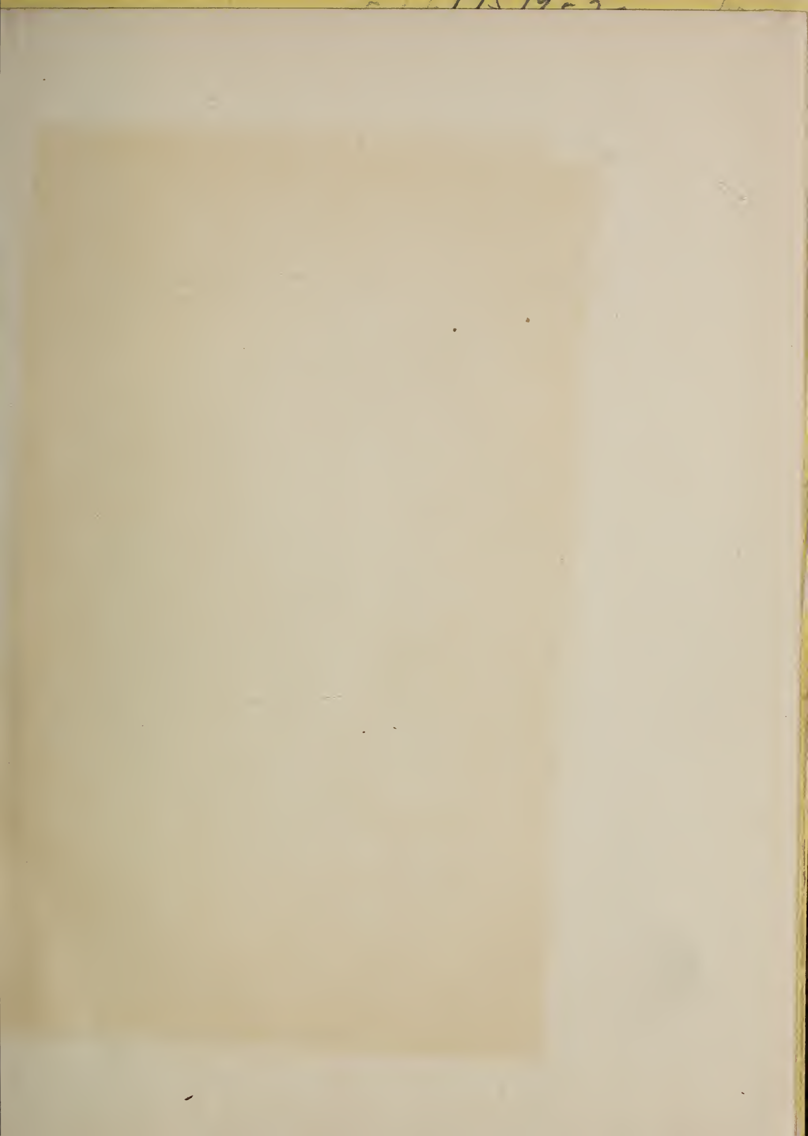
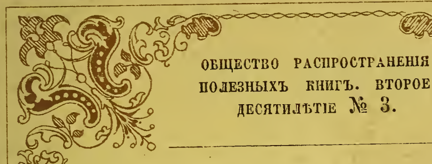

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ. ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ № 3.

ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ.

МОИМЪ ВНУКАМЪ РОМЕЙКО-ГУРКО И ЖУКОВУ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕВГЕНІИ ТУРЪ.

МОСКВА.

1873.

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ, ОДОБРЕННЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Букварь гражд. и церковный, съ прилож. молитвъ, стат. для чтенія, кратк. свѣдѣній о Россіи и прописей. ц. 20 к.

Азбука и чтеніе для перваго возраста Е. Вельтманъ, 2 час., ц.60 к.

Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ прилож. образцовъ граммат. разбора. профес. Ѳ И. Буслаева, ц. 1 р.

Русская Христоматія. Памятники древне-русской литературы и народн. словесности, съ историческими, литературными и грамматичсскими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Проф. Ѳ. И. Буслаева, ц. 1 р. 50 к.

Исторія Обществен. и частн. быта. Чтеніе въ школѣ и дома П. Кирхмана, ц. 50 к.

Русская Лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Проф. Соловьева. ц. 40 к. Изд. 3-е.

Великій Князь Ярославъ 1-й, ц. 15 к.

Князь Яковъ Ѳедоров. Долгоруковъ, П. Фурмана, ц. 40 к.

Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ. О. Гончаровой, ц. 15 к.

Путешествіе москов. купца Трифона Коробейникова въ Палестину въ 1552 году, ц. 10 к.

Благовѣрная Евдокія, В. К. Московская, въ инокиняхъ Евфросинія. Бѣляева, ц. 12 к.

Дѣлатели золота. Народная повѣсть Цшокке. Изд. 2-е, ц. 25 к,

Какъ нужно обращаться съ животными. Изд. 2-е, ц. 10 к.

Тряпье и писчая бумага. Съ рисунками въ текстѣ. Ѳедченко ц. 25 к.

Покореніе Казани Московскимъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, ц. 10 к.

Tur, Evgeniia, pseud.

khrustal'noe serdtse.

ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ.

МОИМЪ ВНУКАМЪ РОМЕЙКО-ГУРКО И ЖУКОВУ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕВГЕНІИ ТУРЪ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, Д. ТОРЛЕЦКАГО.
1873.

Дозволено цензурой. Москва, 22 января 1873 г.

ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ.

ПРОЛОГЪ.

Въ старые, старые годы, такъ давно, что о томъ времени ходятъ только темные слухи, случалось, говорятъ, много чуднаго и намъ непонятнаго. По крайней мѣрѣ старыя нянюшки и хилыя бабушки разсказываютъ много небывальщины и знаютъ много сказокъ и разсказовъ о тѣхъ темныхъ временахъ. А когда этѣ времена были, Богъ вѣсть, а кто ихъ видѣлъ неизвѣстно—а разсказы идутъ такъ-то: бабушка разсказываетъ малому внуку, а внукъ состарѣвшись разсказываетъ правнучкѣ своей, а правнучка, въ свой чередъ, согнувшись отъ старости, дрожащимъ голосомъ передаетъ тотъ же разсказъ внучкѣ. Вотъ такъ то случилось и со мною. Моя бабушка разсказывала мнѣ въ дѣтствѣ сказку и я ее запомнила; прошло много, много лѣтъ; я теперь сама стала бабушкой и разскажу вамъ ту-же сказку. Ну, дѣтки, слушайте да поймите, въ толкъ сказку возьмите. Она простая, да не совсѣмъ, за ея простотою есть и тайный смыслъ, вотъ вы его отыщите, да разгадайте; я начинаю.

Въ старое время, разсказывала мнѣ старая бабушка, нѣдра земли, внутренность горъ, чаща лѣсовъ, глубина водъ, пространство воздуха и туманы облаковъ были населены геніями, волшебницами и гномами. Это были существа похожія на людей, но красивѣе ихъ и обладали они дарами, которые людямъ недоступны. Они мгновенно являлись и изчезали, переносились черезъ пространства съ быстротою молніи, могли дарить людямъ сокровища, могли дарить имъ и другія блага. Эти геніи, эти феи, гномы и волшебницы были и добрые и злые. Много о нихъ разсказываютъ чуднаго старыя бабушки и хилыя няни, но онѣ ихъ сами не видали, и я ихъ не видала; онѣ слушали разсказы про нихъ и я ихъ слушала и слышанное вамъ передаю, да и то въ короткихъ словахъ.

Въ одномъ темномъ, густомъ, непроходимомъ лѣсу, на окраинѣ, прислоненной одною стороною къ лѣсу, а другою къ полянѣ, стоялъ чистенькій, бѣленькій, маленькій домикъ лѣсничаго. И жилъ въ немъ лѣсничій съ молодой женой и матерью, и любили они другъ друга очень нѣжно. Жили они безъ богатства, да и безъ бѣдности. На необходимое у нихъ доставало, а объ излишнемъ они и не помышляли. Да и сами вы посудите, есть ли конецъ излишнему. Излишнее что бездонная бочка, сколько воды не лей, она не наполнится.

У лѣсничаго родился сынъ; радости въ домѣ и конца не было. Заснула молодая мать, а бабушка сѣла у колыбельки новорожденнаго. Въ комнатѣ горѣлъ одинъ ночникъ. И вотъ не то сквозь сонъ, не то на яву приви-

дѣлось старой бабушкѣ что то чудное и дивное. Дверь избушки тихонько отворилась и вошелъ въ нее старый, сѣдой старичекъ, благообразной наружности. Волосы его были бѣлы какъ иней, покрывающій ёлки зимою; одежда его была изъ зеленаго моха и на головѣ его будто корона, вѣнцомъ лежали широкіе и зеленые дубовые листы. Красивая, длинная трава обвивала будто поясъ станъ его. Тихо, неслышною поступью подошелъ онъ къ новорожденному и сказалъ ему.

— Я геній лѣсовъ, знаю отца твоего. Отецъ твой наблюдалъ за деревьями лѣсовъ моихъ, не губилъ ихъ безъ нужды, не рубилъ безъ пути и не обдиралъ съ нихъ кожи. Я люблю его и принесъ тебѣ даръ дорогой и чудный. Рука твоя будетъ легка; что ты посадишь, то взростетъ, зацвѣтетъ и плодъ принесетъ. Ни въ одномъ лѣсу ты не запутаешься, ни въ одномъ болотѣ не увязнешь, ни на одной полянѣ не будешь застигнутъ непогодою. Что въ моей власти, то я и даю тебѣ, а вы, мои друзья, братья и сестры, вы геніи и вы гномы и вы волшебницы, вы господа земли, водъ и воздуха, дайте ему то, чѣмъ обладаете.

— Сказавъ это, старикъ изчезъ, а на мѣсто его явилась молодая дѣвушка. Она вошла неслышною поступью. Длинные ея волосы, золотые какъ песокъ великихъ рѣкъ, лежали длинными струйками по бѣлымъ плечамъ; бѣлая одежда, прозрачная какъ хрусталь горнаго ключа, обвивала стройный станъ ея; широкій поясъ изъ перламутровыхъ раковинъ стягивалъ ея талію. Она не

то подошла, не то подплыла, такъ походка ея была ровна и сказала:

— А я дарю тебѣ даръ великій. Жажды ты знать не будешь. Гдѣ бы ты ни былъ, вездѣ ты найдешь чистую воду для утоленія ея. Ты не утонешь, вода не приметъ тебя и то что будетъ твое, вода не затопитъ, не затопитъ она ни дома твоего, ни поля твоего, ни скота твоего. И будешь ты плавать какъ рыба и нырять какъ лебедь и дно рѣки будетъ тебѣ доступно и ея сокровища въ твоемъ распоряженіи.

— Она сказала и изчезла. На мѣстѣ ея явилось что-то маленькое, миленькое и чудное. То былъ мальчикъ, судя по росту, лѣтъ пяти, а судя по лицу красивому и прелестному юноша лѣтъ семнадцати. Лицо его было смугло, глаза его горѣли, какъ бриліанты, губы пунцовыя, какъ красный кораллъ, улыбались привѣтливо. На головѣ его блистала золотая діадема съ разноцвѣтными камнями и парчевое золотое платье ловко сидѣло на немъ. Онъ поглядѣлъ на новорожденнаго и сказалъ:

— Я гномъ и живу въ нѣдрахъ земли, даю тебѣ ея сокровища. Богатство сила великая, пользуйся имъ; ты будешь обладать имъ съ раннихъ лѣтъ!

— Сказалъ и сгинулъ, а въ комнатѣ мало по малу образовался густой туманъ и клубясь приблизился къ колыбели новорожденнаго. Посреди его лежала женщина, но ея одежды, лица и стана распознать было невозможно, ибо она вся окуталась въ густой туманъ, и плыла съ нимъ, колыхаясь какъ лебедь колыхается на волнахъ озера. Она склонилась къ колыбели и сказала тихо, но внятно:

— Я житель воздуха. Громъ и молнія не грянутъ надъ тобою, дождь и вихорь, вѣтръ и ненастье не посмѣютъ коснуться тебя. Дождь польетъ твои нивы въ пору и лучи солнца его высушатъ въ пору. Изобилье твоихъ нивъ будетъ безпримѣрно. Другихъ даровъ я не имѣю; что могу—даю. Пусть мои сестры и братья довершаютъ, что началъ нашъ сѣдой дѣдушка, геній лѣсовъ.

Сказала и пуще закуталась въ бѣлый туманъ; туманъ заклубился и выползъ изъ избушки, а уже около колыбельки стояла старая старушка, добрая колдунья, властительница людской доли, горькой и сладкой.

— Все дано тебѣ, сказала она новорожденному, и я не знаю, чѣмъ еще подарить тебя. Не могу я дать тебѣ долгой жизни—это не въ моей власти; не могу я дать тебѣ любви твоихъ ближнихъ—самъ человѣкъ властенъ въ ней, только онъ самъ можетъ внушить ее. Видѣла я, что люди страдаютъ много отъ сердца и оно болитъ у нихъ и ноетъ. Попробую я на тебѣ, подмѣню тебѣ сердце. Оно, я вижу его, такое некрасивое; изъ мяса оно и изъ крови и бьется оно и трепещетъ и ноетъ и замираетъ отъ тоски при всякой утратѣ. Я возьму его и дамъ тебѣ другое.

Сказала и прикоснулась къ нему и вынула изъ груди его кровавое, некрасивое, трепетавшее сердце, а на мѣсто его вложила ему другое маленькое, красивое, розовое, хрустальное сердечко.

— Не будешь ты страдать отъ этого сердца, сказала она. Не будетъ оно биться, трепетать, ныть и замирать. Мучиться ты не будешь и при утратахъ убиваться го-

ремъ не станешь. А кто не страдаетъ, тотъ долженъ быть счастливъ. Прощай, живи припѣваючи.

И вотъ вышла старушка, унося въ рукѣ все еще бившееся и трепетавшее сердце малютки. Лишь только успѣла она сгинуть за порогомъ домика, какъ въ него, со всѣхъ сторонъ и въ окна и въ дверь и въ щели и въ трубу, налетѣли и пробрались геніи и феи. Всѣ они были прелестны, но крошки ростомъ, одѣты въ радугу, въ золотые лучи солнца, въ серебряное сіяніе мѣсяца и обвиты розовымъ, прозрачнымъ облакомъ; ни одинъ изъ нихъ, приближаясь къ колыбели, не касался земли своими ножками. У иныхъ были крылья опаловыя, переливчатыя, а у другихъ не было и крыльевъ, но они и безъ нихъ не касались зелли и летали неслышно вокругъ колыбелки. Вдругъ одна изъ самыхъ прелестныхъ маленькихъ фей отдѣлилась отъ роя сестрицъ и братьевъ, горько заплакала и сказала печально:

— Братья, сестры, пришли мы поздно. Развѣ вы не видите, что не можемъ мы одарить новорожденнаго высшими дарами. У него похищено сердце, въ замѣнъ его ему дано хрустальное сердце. Что же сдѣлаетъ онъ изъ дара любви, которымъ я, фея любви, одарила бы его. И ты, братъ мой, геній энтузіазма, и ты, другой братъ мой, геній самопожертвованія, удалитесь, дары ваши здѣсь невозможны, вы не можете одарить его ими. И вы, сестры мои, феи великодушія и милосердія, улетайте, улетайте скорѣе, улечу съ вами и я. Несчастный, несчастный мальчикъ, какъ будешь ты жить имѣя хрусталь-

ное сердце?... И чѣмъ бы могла я одарить тебя, чтобы не уйти отъ твоей колыбели, не оставивъ тебѣ чего либо?...

Она задумалась и вдругъ склонилась надъ колыбелью.

— Даю тебѣ красоту тѣлесную, слабый замѣнъ красоты душевной. За красоту твою быть-можетъ, полюбитъ тебя твоя невѣста, и если ты съумѣешь, не имѣя сердца, покрайней мѣрѣ понять умомъ всю великость ея любви къ тебѣ, ты, быть можетъ, хотя отчасти избѣгнешь несчастій, которыя грозятъ тебѣ.

Сказала, коснулась лица новорожденнаго и вмѣстѣ съ прелестными крошками своими сестрами и братьями, одѣтыми въ опаловый туманъ, въ разноцвѣтную радугу и въ солнечные и мѣсячные лучи выпорхнули изъ комнаты, не касаясь земли.

Очнулась старая бабушка новорожденнаго и съ ужасомъ бросилась къ внучку. Она взяла его изъ колыбелки, ощупала, осмотрѣла, раскрыла его маленькую рубашенку-роспашенку, но ни раны, ни знака не было на груди его. Ребенокъ спалъ сладко, покойно и тихо. Бабушка положила его въ кроватку и сказала сама себѣ:

— Видно вздремнула я! Чудно̀ что мнѣ пригрёзилось!... Видно я устала вчѐра, и съ устали на меня нашелъ какъ бредъ какой; прилягу маленько и высплюсь хорошенько.

Легла бабушка около маленькаго внучка и спала она до утра безъ просыпу, а по утру занялась хозяйствомъ, ухаживала за всё еще больной невѣсткой, лежавшей въ постелѣ и за ея маленькимъ новорожденнымъ сынкомъ, и въ заботахъ житейскихъ позабыла сонъ свой, или то, что считала сномъ.

ГЛАВА I.

Время шло. Росъ новорожденный и изъ малютки выросъ въ дитятю, изъ дитяти въ ребенка. Сперва ползалъ, потомъ сталъ ходить, потомъ бѣгать и говорить. Онъ былъ красивъ собою, можно сказать красоты былъ рѣдкой. Русые волосы его, густые и шелковистые вились отъ природы; голубые, какъ незабудки, глаза глядѣли всегда и на всѣхъ и на все одинаково; пунцовыя какъ кораллъ губки улыбались постоянно, но всегда одною и тою же улыбкою; въ этой улыбкѣ не было прелести, ибо не было того неуловимаго, что называютъ выраженіемъ. Кожа его была какъ атласъ, щечки румяныя какъ розаны, а ручки и ножки хорошенькія и бѣленькія, какъ ручки у писанныхъ, на картинахъ, херувимчиковъ. Словомъ красавецъ былъ мальчикъ и всѣ дивились красотѣ его, а больше всѣхъ отецъ, мать и бабушка. Души они въ немъ не слыхали и прозвали они его въ семействѣ страннымъ именемъ—*Голубинька*, потому что у него были голубые глаза и что для отца, матери и бабушки онъ былъ ненаглядный *голубчикъ*.

Мальчикъ былъ онъ странный; когда онъ уходилъ въ лѣсъ, то никогда не плуталъ въ немъ; не учась плавать, купался въ рѣчкѣ и плавалъ отлично; когда онъ копался въ песку, то находилъ чудные камушки, а когда сѣялъ что въ огородѣ матери, то все росло скоро и пышно. Мать говорила о чемъ, что у него легкая рука и могла бы сказать,

что у него легкій нравъ, онъ никогда не плакалъ, никогда не сердился, никогда ни о чемъ не печалился. Сперва и мать и бабушка, да и самъ отецъ радовались на него, а потомъ, когда онъ сталъ подростать, отецъ первый замѣтилъ въ немъ кое что и призадумался. Однажды, когда Голубинька, уже тогда семилѣтній мальчикъ спалъ въ своей кроваткѣ, отецъ сидѣлъ у печи, и подлѣ него сидѣла его добрая, молодая жена, а немного поодаль, съ чулкомъ въ рукахъ и очками на носу, прижавшись къ печкѣ пріютилась старая мать. Разговоръ шелъ объ Голубинькѣ и какъ имъ было не говорить о немъ, онъ былъ у нихъ одинъ сынъ, а у бабушки одинъ внучекъ.

— Ужъ какой онъ у меня, сказала мать, милый, тихій и кроткій.

— И какой хорошенькій, подхватила бабушка, вѣдь онъ писанный красавчикъ! И какой кроткій мальчикъ!

— Кроткій ли онъ? сказалъ отецъ задумчиво.

— Конечно кроткій, отвѣчала мать обидчиво, когда ты слышалъ, чтобы онъ кричалъ или капризничалъ?...

— Никогда, это правда, сказалъ отецъ, только мнѣ все кажется что въ немъ это не кротость, а холодность.

— Ужъ ты чего не выдумаешь, отвѣчала мать. И съ чего ты это взялъ?

— Такъ сдается мнѣ, сказалъ отецъ. Никогда онъ ни къ кому не приласкается.

— А когда ему ласкаться? Я и маменька и даже ты не даемъ ему покоя. Какъ онъ поутру встанетъ и умоется, мы такъ и засыплемъ его поцѣлуями. На него взглянуть нельзя, чтобы его не поцѣловать, такъ онъ красивъ

и милъ. Даже чужіе не проходятъ мимо, чтобы не поцѣловать его. Мы подлинно надоѣли ему своими ласками.

— Если ему ласки матери въ тягость, то это не радость, а горе, сказалъ отецъ.

— Онъ маленькій, не понимаетъ, сказала мать, гдѣ ему разсудить это?

— Тутъ не надо разсуждать, это всякое дитя чувствуетъ. Дитя мать любитъ безъ разсужденій.

— Все ты пустяки придумываешь, возразила ему жена съ неудовольствіемъ. Нѣтъ у тебя горя, такъ ты его накликаешь.

Отецъ замолчалъ и протянулъ ноги къ печи. Онъ исходилъ въ тотъ день много верстъ, усталъ и прозябъ. Отогрѣвшись хорошо, онъ пошелъ спать, тѣмъ разговоръ и кончился.

Прошло еще три года. Ничего не случилось особеннаго въ семьѣ лѣсничаго. Голубинька росъ и хорошѣлъ. Онъ никогда не бывалъ болѣнъ. Однажды рано утромъ, лѣсничій получилъ письмо изъ города; начальникъ вызывалъ его туда по нужному и важному дѣлу. Пришелъ лѣсничій къ женѣ, показалъ ей письмо и сказалъ:

— Собери мнѣ бѣлья и платье мое праздничное и уложи все въ чемоданъ; я послѣ завтрака выѣду.

Жена такъ и обомлѣла. Она почти никогда не разставалась съ мужемъ и мысль, что онъ поѣдетъ въ городъ, за три дня слишкомъ ѣзды, показалось ей страшною.

— А сколько ты пробудешь? когда воротишься? спросила она его.

— Право не знаю. Сколько продержутъ. Какъ отпу-

стять, такъ и вернусь. Лишняго дня не пробуду. Ты знаешь, что я здѣсь съ тобою живу счастливо и безъ крайней нужды тебя не оставляю.

— Знаю, милый ты мой, сказала жена, повисла на шеѣ у мужа и заплакала.

А онъ обнялъ, поцѣловалъ ее и сказалъ такъ нѣжно и тихо:

— Не плачь, не плачь, ворочусь и навезу тебѣ подарковъ изъ города. Вѣдь я ужъ пять лѣтъ въ городъ не ѣздилъ.

— Да что мнѣ подарки? зачѣмъ? у меня все есть, мнѣ тебя надо, а не подарки твои, сказала жена. Ты для меня дороже всякихъ сокровищъ.

И она печально отворила шкапъ и начала выбирать платья и бѣлье мужа и укладывать все въ маленькій чемоданчикъ. Въ ихъ тихой и уединенной жизни поѣздка въ городъ представлялась не малымъ происшествіемъ и не совсѣмъ обыкновеннымъ подвигомъ. Надо было ѣхать верхомъ черезъ лѣса, рѣки, болота, ночевать въ уединенныхъ гостинницахъ, о которыхъ разсказывали разныя страшныя исторіи. Многіе утверждали, что трактирщики обираютъ путешественниковъ, а иные держутъ у себя разбойничій притонъ и ночью убиваютъ ихъ. Мать Голубиньки, наслушавшись всѣхъ этихъ расказней, въ которыхъ, быть можетъ, заключалась малая часть правды, страшно встревожилась. Она нѣжно любила своего мужа и поэтому всегда о немъ заботилась и безпокоилась при малѣйшемъ его нездоровьи, или отлучкѣ или замедленіи. Можно себѣ представить, какъ она плакала, соби-

рая его бѣлье и платье и укладывая ихъ бережно въ чемоданъ. Она сидѣла передъ нимъ на полу, и складывая рубашки мужа изрѣдка перекидывалась словомъ съ печальною, какъ и она, свекровью. Голубинька сидѣлъ въ углу и игралъ, окруженный всякими игрушками. Онъ заботливо строилъ домикъ изъ четыреугольниковъ, выпиленныхъ изъ дерева и искусно приложенныхъ одинъ къ другому, такъ что изъ нихъ можно было состроить очень хорошенькій домикъ.

— Непогода все стоитъ на дворѣ, сказала мать Голубиньки свекрови, какъ бы онъ не простудился?

— Онъ привыкъ къ непогодѣ, возразила мать, развѣ здѣсь онъ во всякую пору не выходитъ изъ дому?

— Здѣсь, здѣсь, возразила невѣстка, здѣсь я и вы... Простудится, занеможетъ, за нимъ есть кому ухаживать, а въ городѣ онъ одинъ будетъ.

— Мама, сказалъ изъ своего угла Голубинька, когда папа уѣдетъ, кто мнѣ будетъ выпиливать четыреугольники? Папа обѣщалъ мнѣ ихъ много на башню. Я хочу строить башню.

— Э! оставь меня въ покоѣ, мнѣ не до твоей башни, отвѣчала ему мать.

— Отъ чего? спросилъ Голубинька.

— Папа уѣзжаетъ—развѣ ты не слыхалъ?

— Слышалъ, отъ того и спрашиваю, кто мнѣ напилитъ кусочки дерева на башню.

Въ это время отецъ вошелъ въ комнату.

— Папа, сказалъ Голубинька, прерывая разговоръ отца

и матери, гдѣ же мнѣ безъ тебя взять кусочки дерева для башни?

— Попроси Лудвига, сказалъ отецъ, онъ тебѣ выпилитъ ихъ.

Голубинька успокоился и былъ очень веселъ. Когда мать повторяла: Папа уѣзжаетъ! онъ не огорчался, а отвѣчалъ:—Теперь мнѣ все равно, Иванъ напилитъ кусочки дерева.

При прощаніи съ отцемъ, Голубинька не показалъ никакой печали, и пока отецъ цѣловалъ мать и жену свою, онъ держалъ его за полу кафтана и лишь только отецъ обратился къ нему и сталъ прощаться съ нимъ, какъ онъ сказалъ:

— Не забудь же большую лошадку, чтобы я могъ на ней кататься и книжекъ съ картинками, не забудь, не забудь.

Уѣхалъ отецъ. Мать Голубиньки и его бабушка зажили тихо и печально. Никого не поджидали онѣ къ обѣду, не съ кѣмъ было сидѣть имъ у большаго камина, въ которомъ пылали большіе пни, выкопанные въ лѣсу; не съ кѣмъ было имъ вечеркомъ бесѣдовать. Мать и бабушка Голубиньки сидѣли у камина молча; мать штопала бѣлье, старушка-бабушка вязала чулки и носки, дворная собака, лохматая жучка, лежала смирно у огня и она не была весела, чуя отсутствіе хозяина. Иногда молчаніе прерывалось.

— Гдѣ то теперь мой милый мужъ? говорила мать Голубеньки, онъ вѣрно ужъ въ городѣ. Чай остановился на плохомъ постояломъ дворѣ, и кормятъ то его дурно

и спать то ему жестко; все это съ непривычки куда какъ трудно.

— И чай сдерутъ съ него въ тридорога, замѣчала бабушка, ну, а денегъ то у него въ мошнѣ не много.

— Ну Богъ съ ними съ деньгами, лишь бы онъ вернулся, дорогой мой, счастливо. Деньги дѣло наживное; я лишній часъ поработаю утромъ и вечеромъ; недосплю, недоѣмъ, и наверстаю убытокъ. Лишь бы онъ былъ живъ и здоровъ и вернулся къ намъ въ добрый часъ.

— Ну да, ну да, вздыхая подсказала бабушка.

Голубинька звонко засмѣялся. Жучка подняла морду свою, но хвостомъ не махала. Мать взглянула на сынка.

— Чему ты смѣешься?

— Вы съ бабушкой такія чудныя, сказалъ улыбаясь Голубинька, чего вы только не придумаете. Отъ чего папѣ занемочь? Онъ силенъ, здоровехонекъ, къ холоду привыкъ, къ ходьбѣ тоже. Въ городахъ волковъ нѣтъ, люди живутъ. Я думаю папашѣ очень въ городѣ весело. Пойдетъ онъ на базаръ, въ лавки покупать мнѣ игрушки, пойдетъ на площадь, вездѣ людно, вездѣ весело.

— Ему нигдѣ безъ насъ не бываетъ весело, сказала бабушка.

— Отъ чего? спросилъ Голубинька.

— А потому что онъ насъ любитъ.

— Такъ что же такое?

— А то, что кто кого любитъ, такъ тому врозь тошно.

— Я не понимаю, бабушка, отъ чего тошно?

— Ну, а если не понимаешь, то я тебѣ растолко-

вать этого не умѣю. Спроси у Жучки—она хоть и на четырехъ ногахъ ходитъ, животнымъ называется, а понимаетъ то, что, судя по твоимъ же словамъ, ты не понимаешь. Она, по отъѣздѣ твоего отца, дня два не ѣла, все тосковала. Отъ чего, скажи ка?

— Отъ того что она животное, какъ вы сказали, отъ того что глупа.

— А по моему отъ того тосковала и не ѣла, что привязана къ хозяину, любитъ его.

— И я люблю, сказалъ Голубинька, но не тоскую, потому что не о чемъ. Онъ уѣхалъ—но пріѣдетъ. Тосковать не разумно.

— Дастъ Богъ пріѣдетъ, сказала мать; можетъ и не надо такъ тосковать по немъ, но сердцу своему не прикажешь не ныть, когда оно ноетъ въ разлукѣ съ милымъ.

— Мое не ноетъ, сказалъ Голубинька, и тѣмъ лучше для меня. Не нужнаго горя не буду знать.

— Ну такъ и счастія нужнаго человѣку знать, быть можетъ, тоже не будешь, сказала ворча бабушка.

— Э, маменька, сказала мать Голубиньки, вы отъ малаго требуете любви, какъ отъ большаго.

— Кто малымъ любить не умѣетъ, тотъ и большимъ не съумѣетъ.

— Голубинька, поди, поиграй во дворѣ, сказала мать, и Голубинька вышелъ съ Жучкой и занялся игрою въ снѣжки.

— За что вы Голубиньку обижаете, онъ очень умёнъ. Видите какой разсудительный.

— Да, правда; уменъ и разуменъ, но мало въ томъ проку, кто уменъ и разуменъ на счетъ сердца. Умъ и разумъ великiе дары, для того кто любить умѣетъ.

— Да онъ насъ всѣхъ очень любитъ, а малъ еще, болтаетъ зря, а всё таки болтовня его умная.

— Ему ужъ скоро 12 лѣтъ. Пора умѣть чувствовать.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Прошелъ мѣсяцъ, прошла и половина другаго. Очень безпокоилась мать Голубиньки. Нѣжно утѣшала и успокоивала ее старая мать, и обѣ сиживали вмѣстѣ у окна и неустанно смотрѣли въ даль, и при всякомъ шумѣ вздрагивали и вели длинныя рѣчи объ уѣхавшемъ мужѣ и сынѣ. Заботы о немъ и попеченiя было не мало. Мать связала ему шерстяную фуфайку, жена нашила рубашекъ и вывязала теплые носки. Все это сложила она заботливо и положила въ шкапъ. Ждали лѣсничаго каждый день, а онъ не ѣхалъ. Безпокойство возрастало, разговоры шли все объ одномъ и томъ же. Не захворалъ-ли? Не убился-ли? Не встрѣтилъ-ли на дорогѣ недобраго человѣка, либо лихаго звѣря въ густомъ лѣсу? Голубинька слушалъ равнодушно и никогда не утѣшалъ мать и бабушку. Ему казались онѣ какими то чудными, почти смѣшными. Чего, чего только онѣ вдвоемъ не придумаютъ, говорилъ онъ самъ себѣ, всякая небылица идетъ имъ въ голову. Но онъ не говорилъ ничего, опасаясь воркотни и выговора отъ бабушки.

Въ одно морозное но солнечное утро, когда лѣсъ былъ особенно красивъ и стоялъ около избушки какъ бѣлая стѣна, покрытый инеемъ, мать Голубиньки сѣла у окна,

и невольно залюбовалась на ели, покрытыя снѣгомъ. Съ наклоненныхъ сучьевъ ихъ, которые будто ползли къ землѣ, висѣли мохнатыя шапки снѣгу и бѣлились и блѣстѣли на солнцѣ какъ алмазы. Какъ алмазы внизу на дворѣ блестѣлъ снѣгъ лежавшій густою пеленою. Мать Голубиньки смотрѣла, любовалась и обратясь къ сынку замѣтила.

— Какъ хороши этѣ шапки снѣга!

— Какія шапки? спросилъ Голубинька.

— А вотъ, гляди, снѣгъ налипъ на вѣтви елей и виситъ будто бѣлыя шапки.

— Какія шапки? смѣясь сказалъ Голубинька. Это не шапки, а просто комы снѣга.

— Знаю что комы, но похожи они на бѣлую, алмазами украшенную шапку. А снѣгъ на дворѣ, по которому нынче никто не ходилъ еще, блеститъ какъ серебряная парча, по которой разсыпаны звѣздочки; какъ онѣ сіяютъ, гляди-ка!

— Звѣзды на небѣ, на землѣ нѣтъ звѣздъ, сказалъ Голубинька.

— Знаю, знаю, но иней блеститъ какъ звѣздочка на небѣ, сказала мать, развѣ тебѣ это не нравится.

— Особеннаго я ничего не вижу. Стоитъ лѣсъ въ снѣгу, да навалило снѣгу сугробомъ около дому. Красоты особенной я не вижу.

— А я вотъ вижу и дивлюсь Господу Богу, какъ это Онъ, Милосердый, все создалъ прекрасно. Лѣтомъ одѣлъ деревья изумрудной зеленью, зимою покрылъ ихъ алмазной пылью, на веселіе глазу.

— А лѣтомъ жара, а зимой холодъ волчій, ужъ такой холодъ что и папа нынче замерзнетъ, если пустится въ дорогу, при такомъ морозѣ.

— Что ты, что ты, отвѣтила мать, только меня пугаешь. И какъ же выговорилъ ты такое слово? Замерзнетъ!—Богъ милостивъ!

И мать Галубиньки перекрестилась.

Въ эту самую минуту послышался шумъ конскихъ копытъ. Мать стала прислушиваться, но Голубинька спустилъ свой волчекъ, волчекъ завертѣлся на полу и завижжалъ, такъ что мать Голубиньки ничего не могла разслышать ничего, кромѣ вижжанья крутившагося волчка.

Она была кротка; но тутъ терпѣнье ея лоппуло. Она ногою опрокинула волчекъ и сказала Голубинькѣ съ досадою:

— Да погоди ты, развѣ не видишь, что я прислушиваюсь!... Чу... копыты.

— Такъ чтожъ? спросилъ Голубинька недовольнымъ тономъ.

— Быть можетъ отецъ ѣдетъ.

— Если ѣдетъ, такъ и пріѣдетъ. Зачѣмъ же мнѣ не спустить волчка.

— Да подожди, подожди, говорю; замолчи.

Голубинька былъ послушенъ и тотчасъ замолчалъ, но не принялъ участія въ волненіи прислушивавшейся матери. Онъ тихо стоялъ подлѣ нея, держа въ рукахъ и на готовѣ свой волчекъ, чтобы спустить его лишь только она сядетъ опять на свое мѣсто, но она не сѣла. Черезъ двѣ минуты она пронзительно вскрикнула и броси-

лась на дворъ, какъ была, въ одномъ платьѣ. Скоро послышались радостныя восклицанія и даже всхлипыванья. Голубинька положилъ на окно волчекъ и сталъ натягивать свой лисій кафтанъ на плечи. Онъ думалъ:

Папа пріѣхалъ, лошадку мнѣ привезъ. И о чемъ мама плачетъ? Чудная право, еще безъ шубы на дворъ выскочила; Папа то въ шубѣ, а она какъ сидѣла дома. Будто бы не успѣла поздороваться съ нимъ здѣсь, или одѣвшись выйти къ нему.

Голубинька застегнулъ кафтанъ свой и отворилъ двери въ сѣни, но было ужъ поздно. Отецъ входилъ въ нихъ, держа за руку жену и мать. Онѣ обѣ, въ великой радости, жадно глядѣли на него, глазами полными радостныхъ слёзъ.

— Благодареніе Богу, сказала старая мать, что Онъ возвратилъ тебя домой благополучно.

— Здравствуй, Голубинька, сказалъ отецъ, нагибаясь къ сыну и нѣжно цѣлуя его.

— Ты вѣрно озябъ, не хочешь ли кофе? сказала ему жена.

— Не голоденъ ли ты, не хочешь ли поѣсть чего нибудь, либо соснуть съ дороги—усталъ чай, путь не малый, сказала мать.

— Привезъ лошадку? воскликнулъ весело Голубинька. Дай-ка свой чемоданъ. Разбирай его скорѣе.

— Постой, постой, подожди, дай мнѣ посмотрѣть на себя, на мать твою, на бабушку. Ну, вы всѣ здоровы, веселы?

— Теперь веселы, сказала мать, а безъ тебя больно скучали.

— И я скучалъ безъ васъ, мои милыя.

— Скучалъ, въ городѣ то скучалъ, ну, я бы ужъ не скучалъ. Въ городѣ базаръ, лавки, людно, не то что эта трущоба, воскликнулъ Голубинька.

— А тебѣ городъ нравится, ну и хорошо, сказалъ отецъ. Я тебя скоро свезу туда.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ. Я никогда не лгу. Ну, жена, другъ милый, дай горячаго испить. Я прозябъ.

Засуетились жена и мать. Сѣлъ лѣсничій за столъ, накрытый чистой скатертью, поставили передъ нимъ чаю, молока, хлѣба, масла, меда, жаркова и пироговъ, словомъ поставили всего, что нашлось въ домѣ. Онъ засмѣялся весело.

— Всего мнѣ не съѣсть, сказалъ онъ, этого и на пятерыхъ вдоволь. Я только кофе выпью.

Пилъ онъ кофе и разсказывалъ. Жадно слушали его разсказы мать и жена, Голубинька слушалъ плохо. Его смущалъ чемоданъ, который кухарка внесла и положила къ уголку. Не терпѣлось Голубинькѣ. Отецъ, едва выпилъ чашку кофе, какъ Голубинька напомнилъ опять о чемоданѣ.

— Сей часъ, сей часъ, сказалъ усталый и прозябшій отецъ, вставая.

— Да выпей еще чашечку, согрѣйся, успѣешь еще чемоданъ разложить, замѣтила ему мать.

— Да вотъ видите, ему не терпится, отвѣчалъ онъ, указывая на сына.

Отецъ нагнулся и сталъ развязывать веревки чемодана. Онъ очень усталъ, руки его, застывшія на холодѣ, плохо его слушались и узлы веревки крѣпко затянутые не подавались. Жена хотѣла помочь мужу, но ея силы не хватало. Голубинька нетерпѣливо стоялъ на мѣстѣ и приговаривалъ:

— Э! мама, ты безсильная! Э! папа, у тебя руки зазябли.

— Отъ того и надо было ему дать время отогрѣться, сказала бабушка съ недовольнымъ видомъ. Ты только о себѣ, о своемъ удовольствіи думаешь.

— Папа отогрѣется послѣ, сказалъ Голубинька, а сперва пусть отдастъ мнѣ мою лошадку.

Наконецъ узлы подались, чемоданъ открыли, отецъ досталъ Голубинькѣ лошадку, книжку съ картинками, красный кушакъ, новую мѣховую шапку и рукавицы.

— Это все мнѣ? спросилъ Голубинька.

— Тебѣ, бери, все твое.

Голубинька поцѣловалъ отца и забравъ всѣ подарки отошелъ въ сторону, любуясь ими. Отецъ хотѣлъ было опять нагнуться надъ чемоданомъ, но мать и жена остановили его.

— Послѣ, послѣ, говорили онѣ въ одинъ голосъ. Мы знаемъ, что ты и намъ привезъ гостинцы, но сперва допей кофе, отогрѣйся, сосни, а тамъ успѣешь. Лучшій для насъ гостинецъ, наша радость, что ты возвратился здоровый и веселый.

Онъ улыбнулся ихъ рѣчамъ, и сѣлъ къ столу допивать кофе, а потомъ пошелъ уснуть съ дороги въ смежную комнатку, свою спальню. Голубинька возилъ по комнаткѣ лошадку. Ея колеса шумѣли. Мать приказала ему оставить игрушку.

— Ты мѣшаешь отцу отдохнуть съ дороги.

— Папа спитъ крѣпко, замѣтилъ Голубинька, но тотчасъ послушался матери и сѣлъ въ уголъ разглядывая свою книжку съ картинками.

— Онъ очень послушенъ, сказала мать бабушкѣ.

— Да, это правда, только самъ не догадается. Ему надо приказать, чтобы онъ сдѣлалъ, что должно.

— Выростетъ, будетъ догадливъ, сказала мать, извиняя сына.

На другой день бабушка надѣла на плечи новую, темнолиловую душегрейку и теплые башмаки, которые ей сынъ привезъ изъ города, а мать обновила новый чепецъ и разноцвѣтную шаль, подарокъ мужа.

— А ты что купилъ себѣ, спросилъ у отца Голубинька.

— Я, себѣ? да ничего.

— Какъ ничего?

— Да такъ ничего. У меня едва денегъ хватило на проѣздъ. Какія ужъ тутъ покупки.

— Зачѣмъ же ты такъ много привезъ бабушкѣ и мамѣ?

— Имъ нужны были этѣ вещи; имъ это было пріятно. А мое удовольствіе ихъ удовольствіе сказалъ отецъ.

— Ну нѣтъ, я ужъ бы себя не забылъ, сказалъ Голубинька. Какъ это о себѣ не думать?

— Я и о себѣ думаю, сказалъ отецъ, улыбаясь, но сперва забочусь о васъ. Я сынъ и долженъ прежде всего покоить и радовать мать. Я мужъ и долженъ покоить и радовать жену. Богъ послалъ мнѣ сына, я долженъ заботиться и о немъ.

— А о себѣ?

— Послѣ ихъ.

— Ну такъ я не хочу быть ни отцемъ, ни сыномъ, ни мужемъ, рѣшилъ Голубинька.

Отецъ разсмѣялся. Вотъ какъ! воскликнулъ онъ и прибавилъ, улыбаясь на жену:

— Не знаю вѣренъ ли расчетъ его: кто не умѣетъ жертвовать собой, тотъ не умѣетъ любить, а кто не умѣетъ любить, можетъ-ли быть счастливъ?

— Навѣрное нѣтъ, сказали вмѣстѣ и мать и бабушка Голубиньки.

Голубинька слушалъ и не понималъ того, что онѣ говорили. Онъ, собственно, былъ очень счастливъ и въ эту минуту совершенно доволенъ, ибо игралъ вчера подаренными игрушками. Отецъ глядѣлъ на него и наконецъ промолвилъ:

— Вчера я сказалъ Голубинькѣ, что онъ скоро увидитъ городъ, и это правда. Въ началѣ Апрѣля пріѣдетъ сюда для осмотра имѣній своихъ владѣлецъ лѣса и многихъ богатыхъ помѣстьевъ. Онъ говорилъ со мною о Голубинькѣ. Зная, что мы живемъ посреди лѣса, не имѣя способа воспитать сына въ городской школѣ, онъ пред-

ложилъ мнѣ взять его и учить вмѣстѣ съ своимъ единственнымъ сыномъ. Я согласился тотчасъ. Не правда ли я хорошо сдѣлалъ?

— Конечно, мой другъ, сказала жена, хотя мнѣ горько и больно разстаться съ Голубинькой, но это для его будущаго счастія и я не могу думать о себѣ.

— *Опять не могу думать о себѣ,* повторилъ Голубинька тихо и не могъ никакъ взять этого въ толкъ. Притомъ же его смущала мысль, что его отдаютъ изъ дома, Богъ вѣсть куда. Онъ задумался и началъ перебирать въ умѣ все, что ему придется оставить. Бурку, санки зимою, тѣлежку лѣтомъ, игрушки, Жучку. И кто будетъ его одѣвать? Здѣсь одѣвала мама. Кто будетъ ему дарить игрушки? здѣсь дарилъ папа и бабушка. Кто будетъ баловать его? И папа и мама и бабушка всегда баловали, хотя иногда ему и выговаривали. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ вдругъ набѣжавшихъ мыслей Голубинька, до тѣхъ поръ сидѣвшій молча, вдругъ повернулъ голову къ стѣнѣ и заплакалъ сперва тихо, а потомъ на взрыдъ.

Мать и бабушка такъ со всѣхъ ногъ къ нему и бросились. Что ты, что ты? заговорили онѣ обѣ.

— Не хочу ѣхать изъ дому, не хочу, сказалъ онъ плача.

Сердце матери такъ и встрепенулось. Голубинька крѣпко любитъ насъ, подумала она и взяла уже большаго мальчика на руки; черезъ силу посадила его на свои колѣни и принялась цѣловать и ласкать его. Голубинька не любилъ цѣловаться и продолжая плакать,

своими хорошенькими ручками утиралъ и слезы и слѣды поцѣлуевъ матери на розовыхъ щечкахъ.

— Не плачь, повторила мать, ты будешь ѣздить къ намъ въ гости, а тамъ у знатнаго господина тебѣ будетъ хорошо. Онъ живетъ не въ избушкѣ, а въ каменныхъ палатахъ, мебели его позолочены, ѣдятъ у него на фарфорѣ и серебрѣ; всѣ одѣты въ тонкое сукно; пѣшкомъ ходятъ ради забавы, а то все ѣздятъ въ разноцвѣтныхъ экипажахъ, запряженныхъ парами, да четвернями лихихъ лошадей.

Голубинька навострилъ уши.

— Правда ли, папа? спросилъ онъ у отца.

— Правда.

— А! Ну это совсѣмъ дѣло другое, и онъ улыбнулся матери, утирая слёзы.

— Ты выучишься, выростешь, будешь ходить въ шелку да въ бархатѣ и пріѣдешь ко мнѣ, мой ненаглядный, продолжала мать, строя планы.

— Зачѣмъ же мнѣ пріѣзжать въ эту трущобу, какъ говоритъ бабушка.

— А чтобы насъ видѣть, отвѣчала мать.

— Я пришлю за вами лошадей, вы ко мнѣ пріѣдете.

— Ну пожалуй и такъ, сказала мать.

— Помни однако, что надо выучиться, чтобы имѣть своихъ лошадей, и прислать ихъ за нами, замѣтилъ отецъ.

— Хорошо, буду помнить, отвѣчалъ Голубинька.

Такіе и тому подобные разговоры возобновлялись въ

домикѣ лѣсничаго очень часто. Незамѣтно прошла зима и наступила весна. Потекли журча ручьи съ горъ, позеленѣли луга, одѣлись деревья свѣжей зеленью, разноцвѣтными и разнообразными листьями; воздухъ наполнился запахомъ разопрѣвшей земли, молодой дубравы и ароматами полевыхъ цвѣтовъ. Птички чирикали и начинали запѣвать свою лѣтнюю, веселую пѣсню, лѣсъ рано утромъ и поздно вечеромъ будто шептался съ птичками, такъ былъ онъ полонъ таинственныхъ, ухо прельщающихъ весеннихъ звуковъ, словомъ съ весною оживала природа, надѣвала свою праздничную лѣтнюю одежду и будто чванясь показывала солнцу и людямъ пышную, роскошную красоту свою.

Не только мать и отецъ Голубиньки, но и его старая бабушка выползла изъ избушки и по цѣлымъ часамъ сидѣла на солнцѣ, грѣя старую спину. Около нея, тоже на солнцѣ грѣлась и Жучка. Голубинька похорошѣлъ еще больше зимою и значительно выросъ. Онъ былъ рѣдкой красоты, бѣлъ какъ лилія и свѣжъ какъ розанъ; голубые глазки его, какъ незабудки, свѣтились и искрились; его бѣлокурые, подернутые будто золотомъ, вьющіеся волосы, разсыпались по плечамъ.—Мать не могла наглядѣться на него, старая бабушка тоже. Она меньше ему выговаривала, а часто любовалась имъ, когда онъ игралъ около нея. И нельзя было не любоваться имъ. Онъ обладалъ особенною прелестью движеній и позъ. Сидѣлъ ли онъ, онъ сидѣлъ особенно мило; бѣгалъ ли онъ, онъ бѣгалъ особенно красиво; говорилъ ли онъ, онъ говорилъ голосомъ звучнымъ, но не громкимъ. Все было въ немъ миловидно и изящно.

Наконецъ въ одинъ весенній прекрасный, солнечный день пріѣхалъ владѣлецъ лѣса. Это былъ важный, богатый, съ виду добрый господинъ, одѣтый въ бархатное платье, съ золотой цѣпью и часами, такими изукрашенными, что Голубинька глядѣлъ на нихъ съ изумленіемъ; когда знатный господинъ, разговаривая съ отцемъ, вынулъ ихъ изъ кармана, желая узнать часъ, у часовъ на золотой цѣпочкѣ висѣли три печатки изъ разноцвѣтныхъ камней. На мизинцѣ господина былъ чудный перстень съ зеленымъ камнемъ. Пріѣхалъ владѣлецъ лѣса въ богатомъ экипажѣ, заложенномъ чудной вороной парою лошадей; серебряная сбруя блистала на солнцѣ. Даже подушки экипажа были обиты краснымъ бархатомъ. Сзади стоялъ назапяткахъ позолоченой кареты слуга въ какойто богатой одеждѣ; по швамъ ея вездѣ нашиты были золотые галуны. Слуга былъ одѣтъ богаче самого господина, такъ что сначала Голубинька принялъ слугу за господина и тогда только понялъ свою ошибку, когда господинъ вошелъ въ домъ, а слуга остался на дворѣ и держалъ лихую лошадь подъ уздцы. На высокихъ козлахъ въ богатомъ кафтанѣ сидѣлъ кучеръ съ виду очень важный.

— Ну, вотъ и я, наконецъ выбралъ время пріѣхать къ вамъ по моему обѣщанію за Голубинькой, сказалъ господинъ, ласково обращаясь къ женѣ лѣсничаго. Вы будьте спокойны. Я беру ето на воспитаніе и ни въ чемъ не буду различать отъ моего сына. Онъ у меня одинъ, и ему нуженъ товарищъ. Я много слышалъ о красотѣ и добронравности вашего сына, но признаюсь, не чаялъ встрѣтить такаго красавца. Если онъ также уменъ, какъ красивъ, вы можете благодарить Бога.

— Да, сказала мать, мой сынъ уменъ и, я надѣюсь, будетъ хорошо учиться и хорошо вести себя. Онъ уже хорошо пишетъ и читаетъ и любитъ читать. Онъ здѣсь у насъ перичиталъ всѣ книжки.

— Ну, ихъ у насъ немного, сказалъ отецъ. А какія есть онъ всѣ прочелъ, это правда.

Господинъ обратился къ Голубинькѣ.

— Хочешь ѣхать со мною?

— Въ этомъ? спросилъ Голубинька показывая на чудный экипажъ.

— Да, въ этомъ, сказалъ господинъ улыбаясь, и у меня дома много такихъ. У тебя и у моего сына будутъ маленькія лошадки и вы будете вмѣстѣ ѣздить верхомъ, книжекъ у него тоже много, вы будете ихъ читать вмѣстѣ и на разныхъ языкахъ, которымъ вы будете учиться.

— Книжки съ картинками? спросилъ Голубинька.

— Есть и съ картинками, конечно.

— А что у меня будетъ и это? спросилъ еше Голубинька, указывая на часы и печатки.

Господинъ разсмѣялся.

— О, да я вижу, сказалъ онъ, что ты малый не промахъ, знаешь, гдѣ раки зимуютъ. Это часы. Гляди сюда.

Господинъ пожалъ пружину и часы звучно пробили 12 разъ.

— Теперь 12 часовъ, вотъ они и бьютъ 12 разъ.

— Чудно сдѣлано, сказалъ Голубинька, я бы хотѣлъ знать, какъ это дѣлаютъ.

— А вотъ если будешь учиться, все будешь знать. хочешь учиться?

— Конечно хочу, какъ не хотѣть.

— Ну такъ поѣдемъ со мною.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Голубинька.

Онъ проворно пошелъ въ свою комнату и воротился въ новомъ кафтанчикѣ, съ новой въ рукахъ шляпой. Владѣлецъ лѣса разговаривалъ съ его матерью и бабушкой. Голубинька подождалъ почтительно, пока господинъ окончилъ свою фразу и сказалъ:

— Я готовъ.

— Ужь готовъ—ну и прекрасно, поѣдемъ.

Но мать Голубиньки не ожидала такого скораго отъѣзда, она вдругъ поглядѣла на Голубиньку, стоявшаго чинно со шляпой въ рукахъ и залилась слезами; она встала, подошла къ нему, взяла его за руки и вывела въ другую комнату.

— Другъ ты мой, душа ты моя, Голубинька, какъ мнѣ разстаться съ тобой, говорила она, осыпая своего сына горячими поцѣлуями. Онъ тоже цѣловалъ ее, и цѣловалъ ея руки, но не плакалъ; напротивъ того онъ самъ утѣшалъ мать.

— Мамочка, милая, говорилъ онъ, вы знаете это для моей пользы, для моего счастья; вы сами всегда говорили, что для моей пользы ничего не пожалѣете. О чемъ же плакать? Если вы меня такъ любите, какъ говорите, вамъ надо радоваться.

— Я и радуюсь, дружокъ мой, только сердце мое разрывается при разлукѣ съ тобой.

— Я не понимаю, мама, радуетесь, а плачете.

— Мнѣ жаль тебя.

— Да чего же жалѣть? Я буду жить въ богатомъ домѣ, въ знатномъ обществѣ, съ сыномъ богача, буду учиться и вѣрьте мнѣ, мама, выучусь.

— Вѣрю, вѣрю, Голубинька. Если бы не вѣрила, что выучишься, не разсталась бы съ тобою.

Мать обняла сына да такъ и замерла, цѣлуя его. Въ эту минуту отецъ Голубиньки вошелъ въ комнату и обращаясь къ женѣ сказалъ тихо:

— Ну полно, ему пора ѣхать, его ждутъ.

Голубинька поцѣловалъ мать и оторвался отъ нея.

— Мнѣ пора, мамуся, милая, сказалъ онъ. Прощай, пáпа, будь здоровъ.

Отецъ цѣловалъ Голубиньку нѣсколько разъ и наконецъ повелъ его за руку въ другую комнату, но на порогѣ мать настигла ихъ еще разъ, схватила сына и крѣпко, крѣпко прижала его къ груди своей.

— Полно, мáма, полно, мнѣ даже больно, такъ ты меня сжимаешь, сказалъ Голубинька тихо, силясь освободиться.

Она выпустила его изъ рукъ своихъ и зарыдала такъ жалостно, что мужъ обернулся къ ней и обнявъ ее, сказалъ:

— Не убивайся такъ, я повезу тебя повидаться съ нимъ и его сюда будутъ привозить всякій годъ. Притомъ я остаюсь съ тобою, развѣ ты не любишь меня.

Бѣдная мать прижалась къ мужу, но плакала безутѣшно.

Голубинька почтительно поцѣловалъ руку бабушки, потомъ также спокойно простился съ работницей, кучеромъ и кухаркой, не забылъ даже жучки, которую погладилъ по спинѣ, и опять подошедши къ отцу и матери поцѣловалъ у нихъ руки и вышелъ на крыльцо, гдѣ ожидалъ его богатый покровитель.

Послѣ послѣднихъ ласковыхъ словъ прощанья и обѣщанья присылать Голубиньку непремѣнно разъ въ годъ къ отцу и матери, владѣлецъ лѣса сѣлъ въ карету, разшитый галунами слуга почтительно посадилъ Голубиньку въ экипажъ, рядомъ съ своимъ господиномъ, лошадей тронули возжами и онѣ съ мѣста пустились рысью. На заворотѣ изъ двора въ лѣсъ, Голубинька высунулся изъ окна и увидя стоявшую подлѣ отца мать и бабушку, которыя плача провожали его глазами, снялъ шляпу и съ очаровательной улыбкой поклонился имъ. Экипажъ поворотилъ и изчезъ въ лѣсной чащѣ. Такимъ то образомъ Голубинька разстался съ отеческимъ домомъ и своими нѣжными, добрыми родными.

ГЛАВА II

Очень тосковала мать Голубиньки, такъ тосковала, что никто не могъ ее утѣшить. Особенно тосковала она, когда мужа не было дома. Напрасно мать старалась развлечь ее и успокоить.

— Мѣста не найду себѣ, говорила она; вездѣ пусто безъ моего милаго мальчика. Жизнь мнѣ стала не въ радость.

— Ахъ, грѣхъ какой, восклицала старушка мать лѣсничаго. При такомъ-то мужѣ, души онъ въ тебѣ не аетъ.

— Знаю, знаю, и тоскую.

— Займись чѣмъ нибудь.

— Развѣ я сижу сложа руки, матушка, я всегда занята.

Это была правда, старушка не знала что сказать и помолчавъ, замѣтила:

— Счастіе Голубиньки, что онъ имѣетъ возможность учиться, надо радоваться.

— Я радуюсь, матушка, только тошно мнѣ жить безъ милаго сына. Никто сердцу не прикажетъ не биться и не ныть; надо дѣлать то, что приказываетъ долгъ и благоразуміе, это я знаю и дѣлаю, но сердцу тяжело и слёзы невольно льются.

Такъ говорила мать Голубиньки. Видя слёзы ея, мужъ сказалъ ей однажды.

— Жена, хочешь видѣть сына?

Она такъ и встрепенулась, сперва поблѣднѣла, а потомъ покраснѣла.

— Что за вопросъ, проговорила она, конечно хочу.

— Ну такъ я все устроилъ. Потерпи немного. Какъ настанетъ весна, такъ и поѣдемъ къ нему.

Съ тѣхъ поръ она перестала тосковать, повеселѣла, но считала дни. Прошла зима, наступила весна. Сердце матери замирало, она не смѣла напомнить мужу о его обѣщаніи, она боялась, что ему помѣшаетъ ѣхать что либо непредвидѣнное. Однажды онъ сказалъ ей:

— Ну жена, пора намъ ѣхать, укладывайся.

— Что мнѣ укладывать? мои сборы не долги.

— Домъ богатый, возьми свое лучшее платье. Намъ ѣзды будетъ дня на три.

И поѣхали они. Нескончаемою представилась имъ дорога, особенно матери казалась она такою. Наконецъ пріѣхали они въ городъ, остановились въ гостиницѣ, переодѣлись въ свои лучшія платья и отправились въ богатый зáмокъ, построенный за лѣсомъ, близъ города.

Зáмокъ былъ дѣйствительно великолѣпный, двухъ-этажный съ балконами, терассами и башнями, окруженный садами за раззолоченными рѣшетками. Главный входъ во дворъ съ каменными воротами и на нихъ мраморными львами, казался такъ богатъ, что жена лѣсничаго, не имѣвшая понятія о такой роскоши, немного растерялась.

— Кто живетъ въ этомъ прелестномъ домикѣ, спросила она у мужа, указывая ему на маленькой домикъ,

утопавшій въ зелени и построенный около самыхъ воротъ.

— Тутъ живетъ привратникъ.

— Съ какою радостью пошла бы я въ привратницы. Я бы видала Голубиньку каждый день, сказала мать.

— Ну, а я не люблю зависимости.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ именно привратникомъ, которомъ шла рѣчь. Онъ былъ старикъ старый, ветхій, оѣдой.

— Кого вамъ надо? спросилъ онъ дрожавшимъ госомъ.

— Голубиньку, отвѣчала мать, слѣдуя привычкѣ.

— Сына лѣсничаго, отвѣчалъ отецъ, поясняя.

— А! А! знаю. Товарища нашего молодаго барина. Извольте пройти на право, по этой дорожкѣ и потомъ прямо, все прямо, до главнаго входа въ домъ.

Лѣсничій и жена его пошли; онъ твердо, она тороплива, по гладкой золотистымъ пескомъ уложенной дорожкѣ, вившейся между ароматными, прелестными клумбами цвѣтовъ. Дорожка своротила вправо и передъ ними открылась широкая, бѣлая, мраморная лѣстница, установленная по бокамъ дорогими южными деревьями въ кадкахъ и вазами съ рѣдкими, заморскими цвѣтами.

Они не знали, остаться ли имъ тутъ, или идти, когда разшитый по всѣмъ швамъ лакей, сошелъ съ лѣстницы и спросилъ: кого имъ надо?

— Товарища вашего молодаго барина, сказалъ лѣсничій.

— А, хорошо. Такъ подождите тутъ, я пойду доложу.

Какъ билось сердце бѣдной матери. Она едва стояла и присѣла на широкій и высокій пьедесталъ одной вазы. Долго длилось молчаніе. Вдругъ послышался голосъ, столь ей знакомый.

— Кто меня спрашиваетъ? Незнакомая женщина, говоришь ты, съ мущиной. Я никого въ городѣ не знаю, кромѣ тѣхъ, кто къ намъ ѣздитъ изъ общихъ знакомыхъ. Ты бы спросилъ имя, прежде чѣмъ меня безпокоить.

И вотъ на верху лѣстницы показался Голубинька одѣтый въ бархатъ; на его плечахъ отлого лежалъ бѣлый, какъ снѣгъ, кружевной воротникъ и его бѣлокурыя кудри разсыпались золотымъ руномъ по темно синему бархату камзола.

А! вскрикнулъ онъ, увидя мать, — а я не ждалъ васъ!

Голубинька сбѣжалъ съ лѣстницы очень мило и граціозно, поцѣловалъ мать и отца, взялъ ихъ за руку и повелъ въ свою комнату.

Какая въ немъ была перемѣна къ лучшему! Онъ очень выросъ, очень похорошѣлъ, и казался еще ловче, еще развязнѣе, еще миловиднѣе и изящнѣе въ своемъ богатомъ нарядѣ. Послѣ первыхъ радостей свиданія, на которыя онъ отвѣчалъ, какъ могъ, ибо его радость оказалась весьма благоразумной, безъ всякаго излишества и особеннаго увлеченія, онъ принялся разсказывать о томъ, какая у него лошадка, какая тележка, какая лодка

на прудѣ. Потомъ показалъ свои книги, свои игрушки, свои золотыя запонки и застёжки, разсказалъ о томъ, какъ ему хорошо жить и какъ его всѣ балуютъ.

— Такъ тебя любятъ? съ восторгомъ сказала мать.

— Конечно мама; я стараюсь, я учусь хорошо, не шалю, держу себя какъ должно. Мой товарищъ, его зовутъ Лоло, тоже любитъ меня. Я ему уступаю,—не дразню его—мы живемъ хорошо.

— Ну и слава Богу. Ты насъ не забылъ?

— Зачѣмъ же забывать?

— Не скучалъ по насъ?

— За чѣмъ же скучать? Мнѣ хорошо здѣсь. Вы видите сами, гдѣ я живу. Я не могу сожалѣть о вашей избушкѣ. Конечно было бы лучше, еслибы вы жили въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, еслибы онъ принадлежалъ вамъ, но вѣдь всего нельзя имѣть.

— Голубинька, Голубинька, послышался голосъ изъ за двери, можно войти?

— Это Минна, племянница и двоюродная сестра Лоло.

И въ комнату влетѣла Минна, хорошенькая, чернобровая, черноглазая дѣвочка лѣтъ восьми.

— Это твоя мама и твой папа, сказала она, обращаясь къ Голубинькѣ, и бросилась на шею къ его матери.

— Какъ я рада, какъ я рада васъ видѣть, сказала она, я такъ люблю Голубчика. Онъ такой добрый и никогда не ссорится со мною. Я зову его Голубчикомъ, то есть моимъ Голубчикомъ. Я давно у него о васъ разспрашивала; онъ такой счастливый, у него и папа и мама, у меня никого нѣтъ.

Мать Голубиньки разцѣловала Минну, отецъ тоже поцѣловалъ ея крошенькую ручку и подумалъ, что эта милая дѣвочка имъ обрадовалась больше, чѣмъ ихъ родной сынъ.

— Я пойду, скажу тетушкѣ, что вы здѣсь и Минна изчезла изъ комнаты.

Вскорѣ пришолъ и Лоло. Онъ былъ старше Голубиньки, не красивъ собою, но показался очень уменъ и добръ отцу и матери Голубиньки.

Въ этомъ домѣ ихъ приняли отлично, обласкали, просили отобѣдать съ семьей и всѣ, владѣлецъ дома и его жена, наставникъ Голубиньки, гувернантка Минны старались всячески занять и угостить нежданныхъ гостей. Голубинька былъ внимателенъ, ласковъ и милъ съ родными, но въ его обращенiи было что то необъяснимое, что ихъ не удовлетворило. Радости, счастія не выражалось на лицѣ ихъ сына. Когда же наступилъ вечеръ, отецъ и даже мать Голубиньки, почувствовали, что имъ пора домой, и что сыну не будетъ особенно трудно проститься съ ними. Они не могли не замѣтить, что Лоло, Минна и всѣ въ этомъ домѣ были болѣе рады ихъ посѣщенiю чѣмъ ихъ родной сынъ, который въ теченiи дня помянулъ два раза, что былъ приглашенъ на обѣдъ къ сосѣднимъ дѣтямъ, и что жаль, что они прiѣхали именно въ этотъ день, а не наканунѣ и не на другой день. Минна и Лоло замѣтили при этомъ, что это все равно, къ сосѣдямъ съѣздятъ и въ другой разъ.

— Когда еще въ другой разъ, сказалъ Голубинька не безъ досады.

Переночевавъ въ городѣ, грустно отправились домой отецъ и мать Голубиньки и мало говорили они о немъ между собой. Мать замѣтила, что сынъ счастливъ, стало быть и они должны быть счастливы, но лицо ея и голосъ выражали печаль. Мужъ не отвѣтилъ ей ни слова. Онъ только обнялъ ее, а она заплакала.

Прошли годы. Мать не поминала о томъ, что желала бы навѣстить сына. Онъ часто писалъ къ нимъ и писалъ ужь очень хорошо, изящнымъ почеркомъ, безъ ошибокъ орфографіи; но не звалъ ихъ къ себѣ, не поминалъ и о своемъ пріѣздѣ. Пятый годъ приходилъ къ концу и въ одно утро явился богатый экипажъ и въ немъ Голубинька, съ разшитымъ галунами слугою сзади, съ богато наряженнымъ кучеромъ на козлахъ.

Измѣнился Голубинька, выросъ, похорошѣлъ, такъ похорошѣлъ, что на него нельзя было не заглядѣться. Ему ужь было 16 лѣтъ. Онъ говорилъ на разныхъ языкахъ, учился отлично, много читалъ и удивилъ родныхъ своими познаніями. Онъ привезъ имъ кучу подарковъ и не забылъ никого въ домѣ; даже для Жучки, старой, престарой, у него оказался ошейникъ. Его манеры съ отцемъ, матерью и бабушкой были почтительны и въ извѣстной мѣрѣ ласковы. Онъ цѣловалъ руки ихъ, но чинно, прилично, безъ особенной ласки, безъ всякой сердечности. Онъ провелъ цѣлый день съ ними, но не согласился ночевать, замѣчая, что привыкъ къ своей комнатѣ и къ своему кругу.

— Но вѣдь ты не доѣдешь нынче до дому и все равно не будешь ночевать въ своей комнатѣ, сказала мать.

— Конечно нѣтъ, но я ночую въ гостинницѣ сосѣдняго мѣстечка, гдѣ мнѣ приготовлена хорошая и удобная комната. Здѣсь, вы сами знаете, ночевать неудобно. Постели жесткія, а бывшая моя комнатка крошечная.

— Ну какъ хочешь, сказалъ отецъ холодно. Не удерживай его, моя милая, добавилъ онъ обращаясь къ женѣ.

И уѣхалъ Голубинька, какъ пріѣхалъ, вѣжливо и почтительно простившись съ родными, которые не могли надивиться его разсудительности и степеннымъ разговорамъ. Не по лѣтамъ показался онъ имъ уменъ, но не по лѣтамъ и холоденъ, на все глядѣлъ онъ спокойно, обо всемъ разсуждалъ спокойно; не горячился и не увлекался, словомъ, въ 16 лѣтъ ему по нраву и рѣчамъ можно было дать вѣрныхъ 30 лѣтъ. Онъ мало смѣялся, не умѣлъ шутить, а когда шутилъ, шутка его казалась или нелѣпа или обидна. Вообще онъ не произвелъ дома благопріятнаго впечатлѣнія и послѣ этого посѣщенія мать и отецъ Голубиньки много говорили о его необычайномъ умѣ, его познаніяхъ и его способностяхъ, но никогда не говорили о его привязанности и любви къ нимъ. Они будто поняли, что въ этомъ отношеніи у нихъ не было сына.

Прошли два года; Голубинька бывалъ у родныхъ всякій годъ; однажды рѣшился провести съ ними цѣлую недѣлю. Онъ много говорилъ о своей будущности, о своихъ связяхъ, о своей будущей карьерѣ. Онъ упомянулъ о Миннѣ какъ о дѣвушкѣ, очень богатой и хорошей партіи. Отецъ разсмѣялся и сказалъ.

— Ужели ты думаешь о женитьбѣ въ 18 лѣтъ?

— О нѣтъ, отвѣчалъ Голубинька смѣясь, теперь я объ этомъ не думаю, это было бы неблагоразумно, но со временемъ почему нѣтъ?

Отецъ удивлялся ему, мать была въ восторгѣ отъ сына, бабушка молчала. Простившись съ родными, Голубинька акуратно писалъ имъ и присылалъ имъ къ праздникамъ богатые подарки. Однажды, (ужь ему было 21 годъ) пришло письмо отъ него. Онъ совѣтовалъ отцу оставить свою должность, покинуть бѣдную избушку и прiѣхать жить въ городѣ, гдѣ онъ можетъ достать ему выгодное мѣсто. Отецъ прочелъ письмо матери и женѣ. Этотъ городъ отстоялъ очень далеко отъ того города, близь котораго жилъ самъ Голубинька, пустившiйся въ разныя спекуляцiи, которыя всѣ ему удавались. Онъ ужъ имѣлъ собственное состоянiе.

— Что ты думаешь объ этомъ? спросилъ лѣсничiй у жены.

— Куда намъ на старости лѣтъ ѣхать въ городъ; да еще въ такой, куда сынъ нашъ никогда не заглядываетъ. Мы не знаемъ городской жизни и намъ трудно будетъ привыкать. Мнѣ вездѣ хорошо съ тобою.

— И мнѣ тоже, милая, сказалъ мужъ. Я въ городѣ, кажется, изведусь отъ скуки. Да еще какая должность, быть можетъ я къ ней и не способенъ. Я откажу.

— Конечно, сказала старая мать, мы здѣсь живемъ безбѣдно, безъ печали, заботъ и тревогъ.

Отецъ написалъ отказъ. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ отъ Голубиньки. Онъ удивлялся отказу, писалъ что находитъ его неблагоразумнымъ, что желалъ доставить выгодное

мѣсто и *болѣе приличное* положеніе отцу и удивляется, что отецъ этого не понимаетъ:—Я надѣюсь, прибавлялъ Голубинька, что я скоро выйду въ люди, и мнѣ было бы пріятно и даже *полезно*, чтобы отецъ мой занималъ мѣсто болѣе почетное и почтенное, чѣмъ мѣсто простого лѣсничаго въ какой то трущобѣ. Но я сдѣлалъ свой долгъ, предложилъ, и если вы не хотите воспользоваться моимъ вліяніемъ на людей хорошо поставленныхъ въ обществѣ и моими связями, дѣлайте какъ знаете; если въ послѣдствіи будете сожалѣть, пеняйте на себя. Нѣтъ ничего особенно пріятнаго думать и говорить, что отецъ мой живетъ въ глуши, въ какой-то лачугѣ.

— Онъ стыдится насъ, сказалъ отецъ съ горечью, стыдится нашей бѣдности, нашего незначительнаго положенія.

— Ну ужь и стыдится, ты чего не скажешь, возразила мать съ досадой. Ему хотѣлось видѣть насъ болѣе счастливыми. Его надо за это благодарить, а не укорять.

— Пожалуй, что и такъ, сказалъ отецъ невесело.

Не смотря на эту размолвку, отношенія Голубиньки къ роднымъ остались хорошими. Онъ иногда пріѣзжалъ къ нимъ, но оставался не долго, и осыпалъ подарками. Онъ говорилъ, что хочетъ, чтобы они жили прилично, прислалъ работниковъ перестроить домъ, прислалъ имъ мебель, просилъ ихъ нанять еще горничную и слугу и заплатилъ за все. Лѣсничій жилъ теперь въ довольствѣ и даже относительно роскошно. Онъ былъ счастливъ, любя жену и мать и не страдая, какъ прежде, отъ безденежья.

Годы шли, съ годами старѣла и видимо угасала старая бабушка. О ея здоровьи, все болѣе и болѣе слабомъ, писали къ Голубинькѣ. Бабушка запретила писать внучку, что она желала бы передъ смертью видѣть его, она только просила написать, что она очень больна. Отъ Голубиньки пришелъ вскорѣ отвѣтъ. Онъ писалъ, что женится на хорошенькой и богатой Миннѣ, съ которою воспитывался; что она его любитъ безъ памяти, что родные ея доставили ему весьма выгодное мѣсто и что онъ живетъ уже по-барски, въ городѣ, въ самомъ знатномъ кругу. Онъ говорилъ, что надѣется, соединивъ состояніе Минны со своимъ собственнымъ, удвоить оба и сдѣлаться богачемъ. Онъ просилъ отца, мать и бабушку благословить его заочно, но не звалъ никого на свадьбу; только въ концѣ письма была слѣдующая приписка:

— Такъ какъ бабушка больна, я не думаю, чтобы вы могли пріѣхать на мою свадьбу, надѣюсь однако, что съ весною ея здоровье поправится. Посылаю ей и вамъ разныя бездѣлки; очень радъ если могу угодить вамъ и доставить удовольствіе.

Вскорѣ пришелъ ящикъ, наполненный дорогими платьями, столовымъ серебромъ, тонкимъ бѣльемъ. На днѣ сундука нашелся кошелекъ съ значительною суммою денегъ. Лѣсничій и его жена всю жизнь прожили, хотя безъ крайней нужды, но очень просто и скромно. Такія богатства имъ казались ненужными. Они всю жизнь ѣли оловянными ложками и не понимали, почему тѣ люди считаютъ себя счастливыми, которые ѣдятъ серебряными.

Богатыя платья присланныя Голубинькой, надѣвать было некуда. Въ лѣсу, въ модномъ платьѣ! повторялъ отецъ, и хохоталъ отъ всей души. Смѣялась и мать, улыбалась и старая, больная бабушка.

Написали къ Голубинькѣ, благодарили его, но замѣтили, что такихъ платьевъ надѣвать некуда. Бабушка приписывала, что она проситъ Бога продлить ея жизнь, чтобы увидѣть молодаго внучка съ его молодой женой. Вскорѣ Голубинька отвѣчалъ, что свадьба его назначена черезъ пять дней; онъ описывалъ праздники и обѣды, на которыхъ бывалъ у родныхъ невѣсты, много писалъ о ея красотѣ и богатствѣ, о своей собственной красотѣ, которая бросалась въ глаза и о томъ, какъ всѣ ея родные обласкали его. Какалось, что Голубинька былъ въ сію минуту совершенно счастливъ. Онъ добивался съ 16 лѣтъ извѣстности. богатства, положенія и въ 24 года добился всего этого, съ придачею молодой жены. Мать его не помнила себя отъ радости и восклицала: какое счастіе! какое счастіе! Старая бабушка отвѣчала ей:

— Дай Богъ ему всякаго счастья, а ты послушай, что я скажу тебѣ: всякій счастливъ въ 20 лѣтъ. Сама молодость есть уже счастіе. Все веселитъ, все радуетъ, и солнце и дождь и новая обнова и новая встрѣча и новое мѣсто. Кому въ самомъ дѣлѣ послано счастіе, тотъ счастливъ въ 30, въ 40, въ 50 лѣтъ и позднѣе.

— У всякаго счастливца однако есть горе, замѣтилъ отецъ.

— Такова участь людей на землѣ—это воля Божія! У самаго счастливаго есть горе; потеря милаго человѣка,

или что другое. Я не о томъ говорю, чтобы горя не было, а о томъ, счастливъ ли человѣкъ.

— Да что такое счастіе? спросила жена лѣсничаго.

— Счастіе, довольство своей участью, миръ, душевная тишина и согласіе домашнее. Счастіе, оно, милые мои, было всегда съ нами въ этомъ бѣдномъ домикѣ, среди лѣса. Оно не покидало насъ, а вотъ, скоро, и у васъ настанетъ великое горе. Вамъ надо свыкнуться съ мыслію о разлукѣ со мною. Я чувствую, что мнѣ не долго жить. Скажите Голубинькѣ, что я люблю его и всегда любила, что я благословляю его и прошу его *беречь свое счастіе.*

— Какъ беречь? спросила жена лѣсничаго.

— Да, беречь; если не съумѣетъ уберечь, пропадетъ его счастіе. Пусть самъ научится любить и цѣнить любовь близкихъ. До сихъ поръ онъ не зналъ цѣнить любви, онъ не умѣлъ любить. Быть можетъ молодая жена и дѣти, если Богъ ему дастъ ихъ, научатъ его любви. Безъ любви нѣтъ въ домѣ благословенія Божія, а стало быть и счастія. Скажите ему, что онъ все потеряетъ, если не съумѣетъ любить. А вы, мои друзья, любить меня умѣли, составили радость моей молодости и утѣху моей старости. Вами я была счастлива и благодарю васъ за любовь вашу. Ты, мой другъ, сказала она, обращаясь къ женѣ сына, пеклась обо мнѣ, какъ родная дочь и я тебя любила какъ дочь родную. Господь благослови тебя. Живите какъ всегда жили въ мирѣ и согласіи и счастіе останется всегда при васъ.

Ну вотъ, къ слову пришлось, я все сказала, а теперь устала, дайте мнѣ заснуть.

Поцѣловалъ особенно нѣжно старый лѣсничій свою престарѣлую мать, поцѣловала ее нѣжно и невѣстка, которая любила ее сердечно, какъ родная дочь и оба вышли изъ комнаты старушки. На другой день ей сдѣлалось очень плохо. Она просила написать тотчасъ Голубинькѣ, что надежды нѣтъ, что она при смерти. Кажется, вопреки своего разума, она питала темную и слабую надежду, что быть можетъ, внукъ пріѣдетъ проститься съ ней, что она успѣетъ передъ смертью взглянуть на него, благословить его. Отвѣтъ отъ внука пришелъ очень скоро, но поздно для старушки; онъ пришелъ на третій день послѣ ея смерти. Голубинька писалъ, что онъ надѣется, что бабушка еще оправится, что ея положеніе преувеличиваютъ, но что онъ женатъ, не можетъ оставить молодую жену, не можетъ вести ее съ собою въ лѣсную глушь, Богъ вѣсть куда, на край свѣта; онъ же не докторъ, помочь не можетъ, а зрѣлище смерти только разстроитъ его молодую жену. Онъ впрочемъ все еще надѣется, что бабушка выздоровѣетъ, въ доказательство чего посылаетъ ей подарки.

И пришелъ цѣлый ящикъ. Его внесли и поставили въ комнату лѣсничаго. Въ это самое время онъ сидѣлъ съ женою и оба горько плакали о покойницѣ, которую только что схоронили.

— Это что еще? спросилъ лѣсничій почти сердито.

— Ящикъ изъ города, присланъ съ слугою г-на фонъ Рейберга.

Это было новое имя Голубиньки. За женою въ приданое дано было большое помѣстье съ замкомъ на берегахъ моря и Голубинька принялъ имя замка какъ фамилію.

Лѣсничій толкнулъ ногою въ ящикъ.

— Неси вонъ, сказалъ онъ работнику. У насъ умираютъ милые и дорогіе, а тутъ присылаютъ тряпки. Пропади онѣ.

Лѣсничій вышелъ на крыльцо и увидя слугу посланнаго съ ящикомъ отъ Голубиньки, сказалъ отрывисто:

— Доложи своему господину, что я вчера похоронилъ мою родную мать. Возьми ящикъ съ собою и отвези назадъ. Матери моей уже не нужны подарки. Она скончалась.

— Если что случится, ящикъ приказано оставить. сказалъ слуга. Господинъ мой такъ и сказалъ: если ты не застанешь старой барыни, оставь ящикъ молодой барынѣ.

— Онъ ей ненуженъ, сказалъ лѣсничій, вези его назадъ. Да живо, чтобы я не видалъ тебя.

Пусто было безъ старушки, но любовь лѣсничаго къ женѣ и ея любовь къ нему будто удвоились послѣ смерти старой матери. Онъ меньше оставлялъ жену, меньше занимался лѣсомъ и хозяйствомъ; она такъ и льнула къ нему. Онъ поставилъ себѣ столярный станокъ и работалъ преискусно; она сидѣла подлѣ него и вязала, и для нихъ проходили незамѣтно долгіе зимніе вечера.

Они вспоминали старушку добрымъ словомъ, часто говорили о ней, горевали, но всегда вдвоемъ. Всякое горе вдвоемъ легче и мало по малу оно прошло. Ни одинъ изъ нихъ не забылъ старой матери, память о ней и

любовь къ ней они сохраняли свято, но тосковали меньше и меньше. Жизнь ихъ текла мирно и счастливо.

Прошло еще три года. Голубинька увѣдомлялъ, что у него родилась дочка Ангелика. Взволновалась мать Голубиньки, что она бабушка, и стала она усильно просить мужа свезти ее къ Голубинькѣ поглядѣть на его жену и на его дочку.

— Но онъ не пріѣхалъ сюда, когда матушка умирала, онъ не привезъ жены, когда женился, онъ вѣроятно ничуть насъ не любитъ. Чтоже намъ-то за нужда ѣхать туда незваннымъ; еще какъ-то онъ и жена его насъ встрѣтятъ.

— Помнишь ее дитятей, она такъ и прыгнула мнѣ на шею. А онъ, какой ни знатный, все таки сынъ нашъ. Прошу тебя, не откажи мнѣ. Свези меня къ нимъ; я его мать, я бабушка его дитяти, свези меня къ нимъ.

Сдался отецъ и начались сборы. Мать Голубиньки выбрала самыя богатыя платья, присланныя сыномъ, взяла ихъ съ собою и они отправились въ долгій путь.

Послѣ четырехдневнаго, утомительнаго путешествія они доѣхали до города, въ которомъ жилъ Голубинька и остановились въ гостинницѣ, чтобы переодѣться съ дороги. На другой день, не прежде полудня, отправились они въ домъ сына. Домъ—дворецъ. Разшитыхъ галунами лакеевъ оказалось тутъ больше, чѣмъ въ домѣ бывшаго покровителя Голубиньки, только они показались лѣсничему и женѣ его очень дерзкими. Въ домѣ ихъ сына, такъ имъ показалось съ перваго шага, не было той привѣтливости, той простоты, которую они нашли

когда-то въ домѣ его покровителя. Тамъ слуги отличались привѣтливою вѣжливостью, здѣсь, напротивъ того, заносчивою грубостью. Умный отецъ Голубиньки тотчасъ замѣтилъ это и подумалъ, что отъ хозяина зависитъ поставить свой домъ на такую ногу, на какую онъ желаетъ. Увидя богато одѣтую женщину и съ нею мущину, *по пѣшкомъ*, лакеи удивились и обступили ихъ осматривая какъ рѣдкость. Вѣроятно въ нарядѣ ихъ что либо имъ показалось смѣшнымъ, ибо они отвертывались и смѣялись.

— Полно вамъ скалить зубы, сказалъ лѣсничій сурово, доложите тотчасъ вашему господину, что пріѣхалъ лѣсничій съ женою.

Лакеи не посмѣли ослушаться твердой и суровой рѣчи страннаго, хотя и богато одѣтаго барина и одинъ изъ нихъ пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Пойдемъ жена, сказалъ лѣсничій и взявъ ее за руку, повелъ на верхъ.

— Куда вы? спросилъ очень спѣсиво одинъ изъ лакеевъ.

— Намъ ждать тутъ не приходится.

— Да какъ же это, позвольте, заговорилъ онъ, заступая имъ дорогу, но лѣсничій отстранилъ его молча рукой и пошелъ дальше. Не успѣлъ онъ войти съ женою на лѣстницу, какъ къ нимъ изъ парадныхъ комнатъ выпорхнула на встрѣчу молодая красавица, черноволосая, черноглазая, въ бѣломъ прозрачномъ платьѣ. Она бѣжала, а оно вилось за ней клубами, какъ дымъ, либо облако;

она бросилась на шею къ женѣ лѣсничаго, называя ее матерью, а потомъ разцѣловала и отца.

— Какъ я рада, говорила она, я такъ давно хотѣла васъ видѣть, я такъ часто просила Голубчика (она его звала по своему Голубчикомъ) свести меня къ вамъ. Но у него дѣла, всё дѣла, всё заботы.

Она вздохнула.

— Хорошо-ли вы доѣхали, и какъ это вы собрались изъ такой дали. Ужь подлинно надо любить, чтобы въ ваши лѣта пріѣхать изъ такой дали, по такимъ дорогамъ. Но гдѣ ваши пожитки, экипажъ?

— Экипажъ нашъ простая бричка, сказалъ лѣсничій, а пожитки въ гостинницѣ.

— Какъ въ гостинницѣ, когда у васъ сынъ и дочь. Ахъ, это не хорошо, это не любовно. Развѣ вы не знаете, что нашъ домъ, вашъ домъ. За что вы насъ такъ обижаете.

Этого не разу не сказалъ Голубинька, и этого не могли не замѣтить его отецъ и мать.

— Гдѣ же ваша дочка? сказала несмѣло мать Голубиньки, которая сгорала незтерпѣніемъ увидѣть внучку.

— А гдѣ же сынъ нашъ, сказалъ лѣсничій серьезно.

— Ахъ, Боже мой, я такъ вамъ обрадовалась, что забыла послать за нимъ. Онъ въ своей конторѣ, занятъ дѣлами. Я сейчасъ...

И она дернула звонокъ и приказала вошедшему лакею бѣжать въ контору и сказать г. фонъ-Рейбергу, что его отецъ и мать пожаловали въ гости. Потомъ, приказывала

она, поди сейчасъ въ гостинницу и привези всѣ вещи господина лѣсничаго.

— Лакей вышелъ.

— Ну, теперь пойдемте къ моей Ангеликѣ, сказала мать. Она у меня хорошенькая, золотоволосая и черноглазая, бѣла какъ снѣгъ и крошка, точно куколка.

Она вошла въ спальню; въ маленькой люлькѣ, съ кружевнымъ пологомъ подбитымъ розовымъ атласомъ, подъ атласнымъ одѣяломъ лежала хорошенькая, годовая дѣвочка. Ея золотистые волосы напоминали отца, а черные глаза—мать. Сама она была и бѣла и румяна какъ херувимчикъ.

— Подлинно Ангелика, сказала бабушка сквозь слезы радости.

— Благословите ее, сказала Минна и меня съ нею, вѣдь вы еще не видали меня замужемъ. Да не говорите мнѣ *вы*. У меня нѣтъ матери—а мать моего мужа другая мать для меня.

— Господь благослови васъ, сказала ей свекровь.

— *Тебя,* подсказала Минна.

— Господь благослови тебя, дитя мое, повторила свекровь и обняла ее. Въ эти полчаса она успѣла уже полюбить свою невѣстку. Лѣсничій тоже чувствовалъ къ ней особенную симпатію, похожую на нѣжность.

— Не хотите ли теперь чего нибудь закусить, выпить, кофе, спросила она. А когда Ангелика проснется, ее принесутъ къ намъ.

— И Минна увела своего свекра и свекровь въ свой богатый кабинетъ, усадила ихъ въ покойныя кресла

подала подъ ноги свекрови подушку, сама сѣла около нея, и рѣчь ея полилась какъ ручей.

Она разсказала, какъ росла съ Голубчикомъ, какъ полюбился онъ ей, какъ онъ хорошо учился и всегда велъ себя примѣрно, какъ ея дядя и тётка (она была сиротка), не препятствовали ея браку съ нимъ и отдали ее замужъ. И тутъ она вздохнула и немного задумчиво, продолжала:

— Богъ послалъ мнѣ Ангелику; это мое счастіе, моя радость, я не нагляжусь на нее.

— А Голубинька вѣрно не наглядится на васъ обоихъ, подсказала свекровь.

— Да, да, но вы знаете, онъ занятъ, и рѣдко дома, а когда придетъ усталый, надо скорѣй пообѣдать; послѣ обѣда гости, а тамъ и спать. Я его все какъ будто мало вижу, ему все нѣкогда. Но вы сами знаете, какой онъ, все задумчивъ, всегда молчаливъ, конечно, конечно никому дурнаго слова не скажетъ, но бываетъ не въ духѣ. А ужь какъ онъ уменъ, право какъ немногіе! И красивъ собою, какъ ангелъ!

Молодая Минна сказала послѣднія слова съ одушевленіемъ.

— Да что же онъ нейдетъ! воскликнула она, и позвонила. Явился тотъ же лакей.

— Принесъ вещи изъ гостинницы?

— Принесъ, госпожа.

— Былъ у господина, сказалъ ему?

— Былъ и говорилъ.

— Чтоже онъ?

— Сказалъ сейчасъ приду.

— Да ты сказалъ ли ему толкомъ, *его отецъ, его мать* пріѣхали?

— Какъ же, сказалъ.

— Ну ступай себѣ, сказала Минна и обратившись къ роднымъ мужа, прибавила, не безъ смущенія.

— Вѣрно нужное дѣло, неотлагаемое. Онъ сейчасъ придетъ.

— И она принялась опять разсказывать о себѣ, о мужѣ, о Ангеликѣ, но ужь разсказывала не съ тѣмъ одушевленіемъ; ее видимо смущало то, что Голубинька не приходилъ.

— Ну, а гдѣ же ваши родные? спросила у нея свекровь.

— Близкихъ родныхъ у меня мало. Тетушка скончалась, а....

Она смутилась.

— А дядюшка, и сынъ его, какъ его звали, я позабыла...

— Лоло, Лоло, подхватила Минна, и ея лицо отуманилось. Я не вижу его. Голубчикъ имѣлъ размолвку съ дядюшкой, а Лоло держалъ сторону своего отца; притомъ Лоло не желалъ, чтобы я вышла за Голубчика.

— Отчего же? вырвалось слово у матери.

— Лоло говорилъ, что Голубчикъ не составитъ моего счастія. Разумѣется, онъ ошибался, но мой мужъ, сперва находившійся въ очень близкихъ и хорошихъ

отношеніяхъ съ нимъ, не могъ ему простить и послѣ свадьбы; безъ ссоры, они разошлись.

Мать слушала ее съ участіемъ, но лѣсничій хмурился. Наконецъ часа черезъ полтора въ длинной веренницѣ комнатъ появился Голубинька; онъ шелъ важно, величаво, одѣтый богато, и взошедши въ гостинную очень почтительно поцѣловалъ сперва руку матери, потомъ поцѣловалъ отца, спросилъ о ихъ здоровьи и о томъ, какъ они доѣхали. Усаживая мать въ кресло, онъ опять поцѣловалъ у ней руку и терпѣливо сносилъ ея крѣпкія объятія и горячія поцѣлуи, которыя сыпались на его лице и голову.

Когда она наконецъ успокоилась и всѣ они усѣлись, отецъ сказалъ ему:

— Ну ты знаешь, великое горе насъ постигло.

— Знаю, знаю, но что же дѣлать? Это законъ природы, старые умираютъ, молодые старѣются.

— Это сказано было столь легкимъ тономъ, что лѣсничаго кольнуло въ сердце. Онъ счелъ не нужнымъ дальше говорить о своей дорогой матери и замолчалъ. Потомъ, такъ какъ неловкое для всѣхъ молчаніе грозило продлиться, онъ сказалъ сыну:

— Какая у тебя миленькая дочка, только мы ожидали увидѣть новорожденную, а увидали годового ребенка.

— Извините меня, батюшка, я знаю, что долженъ былъ написать вамъ ранѣе, но дѣла не оставляютъ мнѣ ни единой свободной минуты.

— Положимъ такъ, но ты писалъ намъ три мѣсяца назадъ, и ни слова не упомянулъ о рожденіи дочери.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ смѣясь Голубинька, ну, такъ простите, я видно позабылъ увѣдомить васъ.

— Какъ ты перемѣнился, сказала мать.

— Какъ не перемѣниться матушка, вѣдь вы меня не видали лѣтъ пять. Въ пять лѣтъ много воды утекло.

— Дѣйствительно перемѣнился Голубинька. Онъ остался красавцемъ, но черты его основались, будто окаменѣли, голубые его глаза свѣтились не огнемъ и свѣтомъ, а какимъ-то хрустальнымъ, холоднымъ блескомъ. Вѣчно недовольное выраженіе лица, сжатый, почти стиснутый ротъ, по которому иногда мелькала насмѣшливая улыбка, неторопливый говоръ, медленныя разчитанныя движенія, во всей его особѣ что-то скучное и недовольное, все говорило объ отсутствіи счастія въ его жизни. Самая красота его, если не исчезла еще, то изказилась. Черты были прелестны, но выраженіе лица непріятно, а вся его особа внушала всякому отчужденіе отъ него. Материнскій взглядъ и сердце тотчасъ замѣтили измѣнившееся лицо сына. Ей смертельно хотѣлось остаться съ нимъ глазъ на глазъ и поговорить откровенно. Не смотря на то, что невѣстка ей очень нравилась и была хороша собою, она вглядываясь въ нее замѣтила, что она худа, блѣдна и лицо ея прозрачно какъ алебастръ. Когда Минна задумывалась, глаза ея принимали печальное выраженіе. Глядя на нее нельзя было не пожалѣть ее. Никто бы не могъ назвать женщину, съ такимъ выраженіемъ лица, счастливой.

Нянюшка внесла Ангелику разодѣтую, смѣющуюся. Она протянула руки матери и обѣ обнявшись цѣловали другъ друга.

— Ну, поцѣлуй теперь бабушку и дѣдушку, сказала молодая мать, поднося ребенка и ребенокъ послушно и мило потянулся къ старикамъ. А теперь поцѣлуй папу, и попроси его поцѣловать твою маму. Онъ еще не видалъ ея нынче и съ ней не здоровался.

Она протянула ребенка къ отцу, который разсѣянно прикоснулся холодными губами къ головкѣ ребенка. Ребенокъ откинулся къ матери, будто испуганный, и робко прижался къ ея сердцу.

— Ну а меня ты не цѣлуешь? сказала Минна мужу.

— Пожалуй и тебя, сказалъ Голубинька смѣясь (онъ принялъ привычку смѣяться всему, но смѣхъ его былъ холодный, непріятный и насмѣшливый) но право я терпѣть не могу цѣловаться безпрестанно. Что это доказываетъ—ровно ничего.

— Такъ разсуждать нельзя; когда любишь, цѣлуешь; сказала Минна.

— Ты его, дитя мое, не переувѣришь. Онъ и съ дѣтства былъ такой и терпѣть не могъ цѣловаться, сказала мать.

— Въ правду, воскликнула Минна, ахъ! какъ вы меня утѣшили, милая матушка, а я все думала, что онъ ни меня, ни ея не любитъ.

Минна указала на дочь и вглянула украдкой на мужа. Онъ разсмѣялся.

— Зачѣмъ ты смѣешься такимъ смѣхомъ, я не люблю....

— Чтожь, мнѣ плакать что ли?

— Нѣтъ не плакать.

— Что же дѣлать?

— Сердце подсказываетъ, что дѣлать, что сказать, какъ взглянуть, чтобы высказать любовь и ласку, отвѣчалъ ему отецъ.

— Какъ, и вы туда же батюшка, сказалъ Голубинька, ну, я вижу, Минна молодецъ, и въ полдня завоевала васъ. Вамъ бы надо побранить ее, а вы на ея сторону гнёте. Вы спросите, чего у ней нѣтъ. У ней домъ какъ полная чаша, она ходитъ въ шелку и бархатѣ, сидитъ на шелку и бархатѣ; у ней больше нарядовъ чѣмъ у принцессы, у ней такіе экипажи, что всѣ заглядываются; у ней загородные дома—дворцы. Ей всѣ завидуютъ, меня всѣ уважаютъ за мое положеніе въ свѣтѣ, за мое богатство.

— Я полагалъ, что уважать можно за добродѣтели. Голубинька засмѣялся.

— Это по старой модѣ. Теперь уважаютъ за богатство; ну разумѣется при этомъ надо вести себя безпорочно, добропорядочно. Я конечно всегда останусь таковъ, свое положеніе въ обществѣ я упрочу, мое богатсво я удвою. Чего же ей больше, и онъ указалъ на Минну.

— Я не жалуюсь, сказала она. Но ты забылъ, упоминая обо всемъ, чѣмъ я обладаю, главное: ты забылъ о любви моего мужа и моего ребенка, о любви родныхъ и друзей.

— Ну да, ну да, отвѣчалъ мужъ разсѣянно.

И Минна обняла свою дочь, которая вскинувъ рученки, будто понимая о чемъ говорили, обхватила шею матери. Старики засмотрѣлись на милую невѣстку и ея дочку, а Голубинька, казалось, скучалъ. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Кажется пора бы обѣдать.

— Сей часъ, сказала Минна, и съ ребенкомъ на рукахъ выбѣжала въ другую комнату.

— Къ чему же все дѣлать самой, сказалъ ей вслѣдъ мужъ, недовольнымъ голосомъ. Неужели у насъ мало лакеевъ. Вѣдь ты *не мѣщанка*, чтобы бѣгать всюду сама.

Минна воротилась и сѣла. Ей было грустно и неловко. Передъ нею сидѣла старушка, свекровь ея, *мѣщанка*, какъ сказалъ довольно презрительно ея мужъ. Минна знала, что свекровь всегда бѣгала сама по хозяйству. Она взглянула на мужа, но онъ и не воображалъ обидѣть свою мать, а мать его сидѣла тихо, спокойно и на ея лицѣ нельзя было прочесть ея чувствъ.

Обѣдъ прошелъ безъ особенныхъ промаховъ со стороны сына въ отношеніи къ отцу и матери. Наступилъ вечеръ. Старики объявили, что они рано утромъ на другой день ѣдутъ домой, но Минна просила ихъ такъ убѣдительно остаться у нихъ по крайней мѣрѣ нѣсколько недѣль, и такъ настойчиво обращалась къ мужу, что и онъ просилъ мать и отца погостить у него. Старая жена пѣсничаго сердечно полюбила уже невѣстку, ей видимо

хотѣлось остаться еще на нѣсколько времени въ домѣ сына и ея мужъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе.

Когда Голубинька вечеромъ остался одинъ съ женою, онъ сказалъ ей:

— Зачѣмъ ты такъ настойчиво просила моего отца и мать остаться? Они привыкли къ иной жизни, къ деревенскому воздуху, въ нашемъ кругу имъ будетъ только стѣснительно, а намъ неловко.

— Почему же неловко, спросила озадаченная Минна.

— А потому что надо быть слѣпой, чтобы не замѣтить тысячи вещей: батюшка говоритъ старымъ нарѣчіемъ, носитъ большіе толстые лѣсные сапоги съ городской одеждой, не надѣваетъ никогда перчатокъ и его руки отъ загара такъ черны, какъ у негра. Волосы его длинны, висятъ прядями какъ у утопленника. Маменька же надѣваетъ на голову такіе чепцы и устраиваетъ такія прически что того и гляди ее свезутъ въ кунсткамеру.

— Она старушка, а онъ старикъ, гдѣ же имъ угоняться за нынѣшними модами, возразила Минна.

— Конечно такъ, но зачѣмъ просить ихъ остаться у насъ, и такимъ образомъ подвергать ихъ насмѣшкамъ городскихъ знакомыхъ нашихъ?

— Насмѣшкамъ! воскликнула Минна, кто посмѣетъ смѣяться надъ такими честными, добрыми, почтенными людьми, какъ твой отецъ и мать?

— Никто, никогда при насъ, сказалъ твердо Голубинька, но безъ насъ, за дверью, тихонько, кому можно запретить смѣяться?

— А объ этомъ я знать не хочу, сказала Минна горячо, насмѣшки за дверью, я презираю. Надъ всѣми злые люди смѣются за дверью надъ нами тоже. Отъ злаго языка никто не уйдетъ; что же касается до твоего отца и матери, то мы обязаны уважать ихъ и всѣ наши знакомые и родные должны оказывать имъ уваженіе или не ѣздить къ намъ.

— Хорошо Минна, это очень благоразумно, но было бы благоразумнѣе не останавливать моего отца и мать и не подвергать себя возможности имѣть непріятности съ родными и знакомыми.

— До развѣ тебѣ не хочется ихъ видѣть.

— Я ихъ ужъ видѣлъ. Всему есть мѣра.

— Ужели ты не любишь матери и отца?

— Люблю, разумѣется, отвѣчалъ Голубинька и доказалъ это. Я имъ посылаю подарки, даю денегъ, хотѣлъ достать мѣсто, перестроилъ или лучше построилъ имъ новый домъ, когда отецъ отказался отъ мѣста; они живутъ почти роскошно. Это не всякій сынъ сдѣлаетъ, но я счелъ долгомъ.

— Но это не любовь еще, сказала Минна.

— Эхъ! отстань, пожалуйста, опять пустилась въ тонкости; того гляди пойдутъ опять милованья, да ласки, да поцѣлуи. Тоска смертельная! А мнѣ завтра надо вставать очень рано да дѣло дѣлать; мнѣ не до глупыхъ бабьихъ толковъ. Скажи только маменькѣ, нельзя ли ей причесаться иначе, болѣе прилично; да обстриги батюшку, чтобы онъ не пугалъ людей, какъ утопленникъ.

— Ну, за это я не берусь, отвѣчала Минна съ негодованіемъ. Въ эту минуту обожаемый ею мужъ показался ей противнымъ. Но это было минутное чувство, хотя разговоръ этотъ оставилъ на душѣ Минны грустные слѣды. Она задумалась и больше не произнесла ни единаго слова. Скоро мужъ ея заснулъ, а она не спала всю ночь; ей было очень, очень грустно.

На другой день Голубинька проснулся рано и встрѣтивъ въ залѣ отца, почтительно поздоровался съ нимъ и предложилъ ему выпить съ нимъ утренній кофей. Старикъ согласился. Вовремя кофе пришелъ управитель за приказаніями. Голубинька отдавалъ ихъ надменно, кратко, сухо и ясно. Его слово было закономъ, что онъ однажды приказалъ, должно было исполнить. Съ слугами онъ былъ справедливъ, иногда даже щедръ, но ни одинъ изъ нихъ не любилъ его, тогда какъ весь домъ обожалъ его жену. Старый лѣсничій тотчасъ замѣтилъ это. Отъ его зоркихъ старыхъ глазъ ничего не укрылось. Въ продолженіи этото и слѣдующихъ дней пріѣзжало множество знакомыхъ. Всѣ они, казалось, или любили или были коротки съ Минной, но съ Голубинькой были крайне вѣжливы и холодны. Онъ однако этого не сознавалъ и считалъ знакомыхъ и друзей жены своими знакомыми и друзьями. Друзьями онъ называлъ знакомыхъ и не зналъ, не понималъ различія между этими двумя названіями.

— Всѣ намъ друзья пока мы богаты и знатны, говаривалъ онъ. Хотите друзей, я вамъ куплю ихъ охапку. Одна моя жена вѣритъ въ безкорыстную дружбу, и Голубинька презрительно смѣялся.

— Вѣрю, говорила Минна, и ты вѣришь, а только такъ шутишь. Ты не былъ ни богатъ, ни знатенъ, когда я, дядя, тетка, Лоло полюбили тебя.

— Опять вдались мы въ тонкости, отвѣчалъ Голубинька и сталъ недовольный ходить по комнатѣ.

Вообще отецъ и мать увидѣли съ сокрушеніемъ сердца, что обладая, повидимому, всѣми благами земли, богатствомъ, положеніемъ, прелестною женою и красавицею дочкою, Голубинька постоянно скучалъ, былъ всѣмъ недоволенъ, или досадовалъ, или сердился и, сидя надъ своими бумагами, часто казался сумрачнѣе октябрской ночи.

— Чего ему недостаетъ? говорила мать.

— Чего ему надо? говорила жена. Не знаю отчего онъ все скучаетъ все недоволенъ, все чѣмъ-то томится.

— А я знаю, думалъ отецъ про себя, и отъ этой черной немочи, отъ этого чернаго недуга, никто тебя ни вылечитъ, бѣдный сынъ мой. Если сердце твое не растаяло отъ любви матери и жены, никто, никогда не согрѣетъ его. Въ тебѣ самомъ воцарится пустота и она постоянно будетъ томить тебя!

Однажды уже передъ отъѣздомъ, отецъ спросилъ у сына, неужели при такомъ состояніи онъ ничего не удѣляетъ бѣднымъ? Голубинька отвѣчалъ, что ему видѣть бѣдность и болѣзнь крайне непріятно, но что у него назначена сумма, которую его управляющій раздаетъ нуждающимся.

— Исполнять такую обязанность нельзя поручать другимъ, сказалъ отецъ. Иной бѣднякъ не столько нуж-

дается въ деньгахъ, какъ въ добромъ словѣ, въ хорошемъ совѣтѣ. Богатство есть ссуда. Богъ ссудилъ тебѣ его на время твоей земной жизни и ты обязанъ дѣлиться имъ съ неимущими.

— Я приказываю раздавать извѣстную сумму, сказалъ сынъ, видимо скучая, но у меня во всемъ порядокъ и я ему не измѣняю. Сумму я назначилъ, и больше не даю ни копейки.

— Даже если встрѣтишь несчастнаго.

— Если, если, если! Эхъ, батюшка, съ *если* мы далёко уйдемъ, сказалъ смѣясь Голубинька. Не сердитесь на меня, прибавилъ онъ любезно, я привыкъ шутить надъ словомъ *если* съ Минной. Она часто его произностъ. Но прощайте, мнѣ пора въ контору.

Со слезами и искренней грустью проводила Минна родныхъ мужа изъ своего дома.

— Домъ мой былъ не пустъ, онъ ожилъ, когда вы пріѣхали, сказала она печально. Теперь я останусь одна одинёшенька.

— А дочка? сказалъ Лѣсничій.

— О да, да, это мое сокровище, да мала еще она!

— А мужъ? сказала неутерпѣвъ свекровь.

— Вы знаете, я его люблю безъ памяти, но... но... онъ... онъ всегда занятъ, проговорила Минна скоро и видно было, что сначала она хотѣла сказать что-то иное.

Когда лѣсничій и жена его пріѣхали домой, ихъ встрѣтили съ радостью работникъ, кухарка и горничная дѣвушка, завывая отъ радости прыгнулъ къ нимъ на

встрѣчу молодой барбосъ (жучка покончила свою службу господамъ и околѣла) и касаясь своей мохнатой мордой ихъ лица, пытался облизать ихъ, не смотря на ихъ сопротивленіе; его не могли отогнать отъ нихъ. Вопросы посыпались: «Здоровы ли вы? Какъ съѣздили? Хороша ли дорога? Каковъ баринъ и молодая госпожа и дочка ихъ?»

— А у насъ все благополучно, говорилъ степенно Лудвигъ; въ саду я посадилъ новые піоны, посѣялъ резеду и ноготки; сѣрая курочка съ хохломъ, ваша любимица, барыня, вывела девять цыплятъ; Чернуха здорова, Гнѣдко тоже, я его на лугъ выпустилъ, на свѣжую травку, ну а Барбоса, Амалію и Анну сами видѣть изволите. Въ порядкѣ нашъ пёсъ; онъ лаетъ, а онѣ болтаютъ.

— Вишь краснобай какой, сказала Анна, чтожъ, ходить какъ ты, будто аршинъ проглотилъ!

— Приравнялъ насъ къ псу, тьфу! типунъ тебѣ на языкъ, сказала Амалія.

Улыбнулась жена лѣсничаго и вошла въ комнаты; все было тамъ чисто, всё убрано; въ вазахъ, на каминѣ стояли въ свѣжей зелени не затѣйливые, но красивые полевые цвѣтки; окно было растворено. Молодая липа, вся въ цвѣту, тянула свои вѣтки въ комнату; сквозь нихъ свѣтило теплое, но еще не жаркое весеннее солнце; въ садикѣ чирикали птички; на дворѣ кудахтали куры, кричалъ задорный пѣтухъ и лежалъ, растянувшись на солнцѣ, молодой барбосъ.

Какъ всё это было знакомо и мило женѣ лѣсничаго.

Здѣсь она провела всю молодость свою, живя [illegible] жемъ и его матерью; она крѣпко и много люби[illegible] Здѣсь далъ ей Богъ Голубиньку... но лишь только [illegible] мысль коснулась ея, какъ сердце ея заныло и она по спѣшила думать о чемъ нибудь другомъ. Въ эту минуту мужъ вошелъ въ комнату.

— О чемъ задумалась? спросилъ онъ у ней ласково, какъ всегда.

— О нашей долгой здѣсь жизни, о нашемъ счастіи, о нашей любви, о матери твоей, которая меня любила, какъ родную дочь, и съ которой въ продолженіи двадцати лѣтъ, мы никогда не ссорились. Все здѣсь мнѣ мило и дорого. Для счастія не надо ни дворцовъ, ни лакеевъ, ни городовъ, ни золота; надо миръ, согласіе, а больше всего любовь.

— Милая моя, сказалъ ей мужъ, обнимая ее, пока мы оба живы, мы будемъ всегда счастливы, потому что любимъ сердечно другъ друга, а когда одинъ изъ насъ умретъ, оставшійся будетъ жить надеждою на свиданіе тамъ...—и лѣсничій указалъ на синее небо, ярко синее, облитое лучами солнечнаго свѣта. Мужъ и жена сѣли за ранній ужинъ, при отворенномъ окнѣ и ужинали они весело разговаривая о домашнихъ дѣлахъ, и весело служила имъ горничная; другая горничная весело болтала на крыльцѣ съ Лудвигомъ, весело махалъ хвостомъ и барбосъ, получая подачку. Все дышало въ этомъ мирномъ, уединенномъ домикѣ довольствомъ и счастіемъ.

ГЛАВА III.

На свѣтѣ всё непрочно. Рѣдко можно встрѣтить людей, которые бы такъ долго и невозмутимо наслаждались счастіемъ семейнымъ, какъ лѣсничій и жена его. Минуло уже 30 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ они женились, когда вошла въ ихъ домъ тяжкая болѣзнь. Лѣсничій, обходя лѣсъ, простудился и занемогъ. Сперва жена лѣчила его домашними средствами, но они не помогли. Онъ лежалъ въ жару, бредилъ и метался во всѣ стороны. Жена испугалась и послала Лудвига въ городъ къ Голубинькѣ съ извѣстіемъ о болѣзни отца и просила помощи. Городъ былъ не близко и какъ Лудвигъ ни спѣшилъ, а прежде трехъ дней туда не доѣхалъ; онъ нашелъ Минну одну и сообщилъ ей печальное извѣстіе объ опасной болѣзни свекра. Минна перемѣнилась въ лицѣ, вскочила, отдала дочку нянѣ и поспѣшно приказала одному лакею бѣжать за докторомъ, другому закладывать карету, третьему сбираться въ путь, четвертому бѣжать за бариномъ и звать его домой какъ можно скорѣе.

Сама она вышла въ спальню и приказала своей горничной уложить въ чемоданъ немного бѣлья, какое нибудь платье, бѣлья для Голубиньки и необходимые для его туалета припасы. Она знала, что онъ не умѣетъ одѣваться безъ затѣй и не хотѣла, чтобы въ домѣ отца, ему чего нибудь недоставало. Черезъ часъ карета была готова, вещи уложены, докторъ пріѣхалъ и соглашался

за большую цѣну отправиться въ путь съ Минной и ея мужемъ; не было одного Голубиньки. Наконецъ, послѣ цѣлаго часа ожиданія, очень мучительнаго для Минны, ибо Лудвигъ увѣрялъ ее, что баринъ умираетъ, явился Голубинька. Онъ по обыкновенію былъ не въ духѣ; медленно, еле волоча ноги, вошелъ онъ въ гостиную и произнесъ недовольнымъ голосомъ:

— Что тамъ еще случилось, что меня тащатъ домой изъ конторы?

— Твой отецъ очень боленъ, пріѣхалъ нарочный.

— Гдѣ онъ? Кто?

— Лудвигъ! кто тамъ? воскликнула Минна, позовите Лудвига.

Лудвигъ явился и повторилъ, важно и неподвижно сидѣвшему въ креслѣ Голубинькѣ, что отецъ его лежитъ въ жару, въ бреду и умираетъ.

— Умираетъ! воскликнулъ съ досадою Голубинька, какъ будто жаръ, бредъ и смерть одно и тоже. Деревенщина вы всѣ и больше ничего.

— Я сударь не самъ, сказалъ Лудвигъ, а старая госпожа моя, перепугавшись...

— То-то и есть, что перепугавшись... Это я и вижу. Матушка всего боится и всегда пугается, я ее знаю.

— Однако, сказала Минна, ты здѣсь разсуждаешь, а отецъ твой боленъ, мать твоя осталась съ нимъ одна. Надо поспѣшить. Собирайся, у меня все готово и карета запряжена.

— Куда собираться? Какая карета? произнесъ Голубинька.

— Какъ куда? Къ отцу, я думаю. Карета для насъ готова.

— Ну, ужь ты успѣла насуматошить, не разсудивъ ничего. Ну что мы доктора что-ли? и чѣмъ мы можемъ помочь больному? По моему надо послать доктора, денегъ, да двухъ слугъ для посылокъ въ городъ, если понадобится что больному. Да надо предупредить доктора, что онъ ѣдетъ въ глушь, чтобы захватилъ съ собою небольшую аптечку.

— Ахъ! Это я забыла, воскликнула Минна, и выбѣжала въ гостиную, гдѣ, ожидая отъѣзда, сидѣлъ докторъ.

— Волосъ длиненъ, да умъ коротокъ, сказалъ смѣясь ей вслѣдъ Голубинька.

Она воротилась и робко подошла къ мужу.

— Все готово, поѣдемъ, прошу тебя, поѣдемъ.

— Опять другая сентиментальная фантазія, отвѣчалъ онъ. Ну куда я поѣду? У меня дѣлъ куча; завтра отходитъ мой корабль съ грузами, нынче пришелъ цѣлый транспортъ съ машинами. Я заваленъ дѣломъ. Долгъ мой бросить все, если отецъ при смерти, но разсуди сама, хотя одинъ разъ посмотри на вещи благоразумно. Я положительно не знаю, опасно ли боленъ отецъ, ибо не могу положиться на слова и мнѣніе такой деревенщины какъ Лудвигъ. Я знаю только, что отецъ занемогъ и тотчасъ, не медля посылаю ему доктора, денегъ, слугъ, стало быть дѣлаю, что должно. Требовать отъ меня нельзя ничего больше. Я для него и матери ничего не жалѣю.

— Но матушка одна, я думаю, истрадалась, глядя на

мужа, котораго такъ нѣжно любитъ. Ей было бы утѣшеніемъ видѣть тебя, да и ему тоже.

— Особенно если онъ бредитъ, сказалъ Голубинька, недовольно глядя на жену.

— Такъ ты не хочешь ѣхать, сказала Минна грустно.

— Не не хочу, а не могу, дѣлà.

— Такъ пусти меня, я поѣду. Пусти меня, прибавила она со слезами. Твоя мать сказала мнѣ, уѣзжая, что нашла во мнѣ дочь родную и я хочу ей доказать, что я ей дѣйствительно дочь.

— Ну тамъ, это ваше бабье дѣло и ваши росказни другъ другу. Мы мущины въ это не входимъ и этого не понимаемъ.

— Да ты только отпусти меня къ ней.

— Да что ты такъ пристала, пожалуй себѣ поѣзжай, если есть охота. Я пріѣду тотчасъ, если отецъ будетъ въ опасности. Пришли мнѣ нарочнаго. Оно такъ и лучше и приличнѣе. Поѣзжай.

Минна бросилась на мужа и обняла его, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо отстранилъ отъ себя.

— Пожалуйста безъ излишнихъ восторговъ. И чему же ты радуешься; если отецъ такъ боленъ, какъ ты утверждаешь, то радость твоя неумѣстна. Сейчасъ плакала отъ горя и теперь душитъ меня съ радости. Поди, пойми ихъ, женщинъ. Женская логика!.:..

Минна грустно поглядѣла на мужа и вышла. Видно было, что такія сцены, такіе разговоры повторялись часто, но что Минна не могла къ нимъ привыкнуть. Обыкновенно она брала свою дочку на руки, горячо цѣло-

вала ее и казалось пыталась утѣшить себя мыслію, что въ ней растетъ ея будущій другъ и утѣшитель. Не смотря однако на это, Минна все худѣла, все блѣднѣла.

Когда Минна явилась въ кабинетъ мужа, одѣтая по-дорожному съ Ангеликой на рукахъ, онъ очень удивился и выразилъ свое крайнее неудовольствіе.

— Съ ребенкомъ пяти лѣтъ, въ глушь, въ деревню, къ больному, зачѣмъ это?

— Затѣмъ, отвѣтила Минна, что благословеніе, быть можетъ, умирающаго дѣда священно, а если онъ выздоровѣетъ, то какое ему и ей будетъ счастіе видѣть внучку у себя въ домѣ. Они на нее не наглядѣлись, когда гостили у насъ.

— Ну, какъ знаешь, сказалъ Голубинька и махнулъ рукою.

Только что Минна вышла за дверь, какъ онъ всталъ и догнавши жену спросилъ у ней: запаслась ли она подарками для его матери и на отвѣтъ ея, что при такихъ обстоятельствахъ она не подумала о подаркахъ, сдѣлалъ ей выговоръ и тотчасъ принесъ изъ кабинета значительную сумму денегъ.

— Отдай ей отъ меня, сказалъ онъ.

Однажды поздно вечеромъ, больному сдѣлалось еще хуже; его бѣдная жена, блѣдная какъ смерть сидѣла одна въ полутемной комнатѣ, неподвижно у его изголовья. Она не знала, что ему давать, что дѣлать, у кого просить совѣта. Вдругъ вдали послышался топотъ копытъ и стукъ экипажа. Бѣдная старушка вскочила, подбѣжала къ окну и увидѣла большой, тяжелый экипажъ.

Она всплеснула руками.

— Сынъ мой! Голубинька! Другъ мой, онъ пріѣхалъ. Сердце сыновнее сказалось... И она выбѣжала на крыльцо.

Изъ экипажа вышелъ докторъ и подалъ руку Миннѣ.

И Минна! и ты! другъ мой, дочь моя? и старушка бросилась на шею къ невѣсткѣ.

— Поцѣлуйте и внучку, сказала ей Минна, протягивая къ ней дочку.

Старушка себя не вспомнила. Радость, неожиданность, волненіе, боязнь за мужа, всѣ эти чувства заразъ наполняли ея душу. Она взяла внучку на свои дрожавшія руки, внесла ее въ комнату, посадила ее на диванъ и залилась слезами. Когда она опомнилась и обвела комнату глазами, то у ней невольно вырвалось:

— А Голубинька?

— У Голубиньки дѣла̀, онъ долженъ былъ остаться, сказала Минна съ смущеніемъ, но если мы напишемъ ему, что батюшкѣ не легче, онъ тотчасъ пріѣдетъ.

— Ты дочь моя! ты! воскликнула старушка садясь подлѣ Минны. Благодарю тебя и прошу Бога благословить тебя и устроить твое счастіе.

Мы не будемъ долго разсказывать какъ длилась болѣзнь лѣсничаго, черезъ какія жестокія минуты неизвѣстности прошли всѣ его любившіе, какъ онъ опомнился передъ смертью и какимъ для него утѣшеніемъ и радостью было увидѣть Минну съ дочкой, съ его милой внучкой. Онъ не спросилъ, отчего не пріѣхалъ сынъ, но на увѣреніе Минны, что у него дѣла, отвѣчалъ только:

— Да, да.

— Но я жду его нынче или завтра, договорила Минна...

— Поздо, поздо, произнесъ старикъ чуть слышно. Скажи, что я его благословляю.

Послѣ этихъ словъ старикъ не сказалъ уже ни единаго слова и къ утру неслышно, все не выпуская рукъ жены изъ своихъ рукъ, безъ мученія и борьбы, отдалъ Богу свою добрую душу.

Мы не будемъ описывать горести старушки. Трудно, тяжко было ей вынести потерю спутника всей своей жизни, но надежда подкрѣпила ее. Она твердила, что скоро Богъ возьметъ ее къ себѣ и соединитъ ее въ лучшемъ мірѣ съ другомъ и спутникомъ ея молодости, ея зрѣлыхъ лѣтъ и ея старости.

Къ похоронамъ пріѣхалъ Голубинька. Онъ вошелъ въ домъ и, узнавъ, что отецъ умеръ тому назадъ двое сутокъ, сложилъ всю вину на жену, и бранилъ ее говоря, что она не умѣла предупредить его во время. Свиданіе его съ матерью было тяжко, она облила сына слезами, онъ цѣловалъ почтительно ея руки, но не плакалъ, за то прибавилось въ немъ важности, чинности, неподвижности. Похороны онъ сдѣлалъ пышные и трауръ самый глубокій, какъ для себя, такъ для жены, матери, дочери и слугъ. Онъ ничего не забылъ, но на другой же день послѣ похоронъ сталъ торопить отъѣздъ свой. Но старушка и слышать о томъ не хотѣла. На третій день, потерявшій терпѣніе Голубинька явился къ матери въ комнату.

— Я не могу оставаться долѣе, сказалъ онъ ей, да и что тутъ дѣлать? Я вамъ совѣтую уложиться сей часъ и ѣхать съ нами.

— Что ты! Я не могу такъ скоро, сказала мать, мнѣ кажется, что я въ другой разъ покидаю его, моего друга, когда думаю, что оставлю этотъ домъ, гдѣ провела мою жизнь съ нимъ.

— Помилуйте матушка, скажите пожалуйста! Да что я васъ въ лачугу что ли тащу? Будьте благоразумны. Мы живемъ во дворцѣ. Лучшую комнату, самую богатую мы отдадимъ вамъ,—мало вамъ ее, дадимъ двѣ, три, четыре.

— Да онѣ не замѣнятъ мнѣ моего домика въ лѣсу; я привыкла здѣсь ко всему, и все мнѣ мило, и прислуга моя, и даже барбосъ, покойникъ любилъ его, и Гнѣдко, онъ бывало ѣздилъ шагомъ, чтобы не уморить его.

— Ну ужь барбосъ такая дворняга, добро бы красивая собака... можно бы взять съ собою. и Гнѣдко кляча.

— Барбоса и Гнѣдко я ужъ приказала отвести въ городъ, сказала Минна. Я предполагаю помѣстить васъ, матушка, въ саду, въ особомъ флигелѣ, со всею вашей прислугою. Вамъ легко будетъ перевезти вашихъ куръ и завесть другихъ и держать Барбоса и Гнѣдко.

— И отлично вздумала, сказалъ Голубинька женѣ, разумѣется всего лучше отдать матушкѣ флигель въ саду; такимъ образомъ она насъ, а мы ее безпокоить не будемъ.

— Матушка никогда не можетъ безпокоить насъ, сказала Минна, боясь, чтобы свекровь не обидѣлась.

Голубинька уѣхалъ впередъ, и былъ радъ, что избавился отъ зрѣлища слёзъ матери и отъ длинныхъ ея разсказовъ Миннѣ, что тогда-то сказалъ, или сдѣлалъ,

или любилъ милый ей покойникъ. Минна слушала свекровь съ участіемъ и онѣ. сидя вдвоемъ, не могли наговориться и отводили душу въ сердечной бесѣдѣ. Старушка замѣтила, что Минна очень похудѣла и была всегда печальна. Она не спрашивала у ней причины. но это настроеніе невѣстки внесло въ ихъ отношенія еще больше задушевной близости.

Черезъ мѣсяцъ онѣ еще не собирались въ городъ и еслибы не письмо негодующаго Голубиньки. Богъ вѣсть когда собрались-бы онѣ. Онъ писалъ, что онъ сынъ и не имѣетъ матери, что онъ мужъ и лишенъ жены, что онъ отецъ и разлученъ съ дочерью; что онъ проситъ мать и приказываетъ женѣ тотчасъ возвратиться домой по полученіи его письма. Начались сборы, и черезъ недѣлю не безъ слёзъ. слёзъ горькихъ покинула старушка домикъ въ лѣсу, гдѣ была такъ счастлива, и сѣвъ, рыдая, въ богатый экипажъ невѣстки. отправилась въ городъ. Ангелика, полюбившая бабушку очень нѣжно. поцѣловала ея руку и сказала:

— Не плачьте, бабушка, мы теперь всѣ вмѣстѣ и всѣ вмѣстѣ будемъ когда нибудь съ дѣдушкой. Пока любите меня и маму.

— Дитя ты мое милое, вся въ мать уродилась, сказала бабушка, сажая внучку на свои колѣна.

Другая жизнь началась для Минны и ея дочери въ городѣ. Обѣ онѣ привязались къ доброй старушкѣ и проводили съ нею почти что цѣлый день. Минна никогда не жаловалась на судьбу свою, напротивъ того. она говорила. что у ней всего много, что она ни въ

чемъ не нуждается, что любитъ дочь всѣмъ сердцемъ, что мужъ ея такой умный и ученый, что она гордится имъ, но лицо ея противорѣчило словамъ, она глядѣла печально и задумчиво; съ каждымъ днемъ она, казалось, становилась слабѣе, будто таяла, будто забыла, что такое веселая болтовня и смѣхъ. Дочь ея была на нее похожа. И она рѣдко смѣялась и рѣдко болтала, хотя отецъ и находилъ, что она избалована и говоритъ много. Отца своего она положительно боялась и когда мать приказывала ей подойти къ нему и поцѣловать, она робѣла и мѣнялась въ лицѣ; отецъ, замѣчая это, сердился, бранилъ дѣвочку и бранилъ мать ея. Бѣдная Ангелика не могла сносить, когда выговаривали ея матери и слезы душили ее. Отецъ выходилъ изъ терпѣнія и холодно приказывалъ ей идти въ дѣтскую и не сходить къ обѣду. Это печалило старую бабушку и молодую мать, но онѣ молчали. Ихъ кротость не смягчала нрава ихъ сына и мужа, онъ становился все мрачнѣе, все чиннѣе, все чѣмъ-то недовольнѣе, а чѣмъ, онъ самъ бы не умѣлъ сказать. Онъ часто повторялъ: «Какая тоска! какая скука!» Запросто никто уже не ѣздилъ къ нему въ домъ, а когда онъ давалъ пышные обѣды или вечера, которые стоили ему очень дорого и сзывалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, то и самъ онъ и жена его и гости его скучали страшно. Когда приходило время гостямъ разъѣхаться, а хозяевамъ остаться однимъ, и тѣ и другіе испускали вздохи, будто камень сваливался съ ихъ груди. Голубинька, приходя къ матери и заставая тамъ свою жену съ дочерью, очень часто становился помѣхою, въ ихъ

тѣсной дружеской бесѣдѣ. Жена боялась сказать при немъ лишнее слово, опасаясь, что оно ему не понравится; дочь становилась серьезнѣе и глядѣла робко въ глаза матери, стараясь угадать, что ей дѣлать; старушка мать становилась печальнѣе. Голубинька угадывалъ, что его присутствіе смущаетъ и стѣсняетъ всѣхъ и это сознаніе наполняло его горечью и досадою. Горечь и досада не смягчаютъ характера—напротивъ того; день ото дня Голубинька становился взыскательнѣе. Ничто его не радовало. Если по дѣламъ или въ обществѣ или въ семействѣ случалось что либо для него непріятное, то не было конца его неудовольствію. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ молча или ходилъ темнѣе ночи. Никто тогда не смѣлъ подступиться къ нему. Если же случалось что либо для него хорошее, выгодное или пріятное, онъ принималъ это какъ должное: «Еще бы не такъ!» восклицалъ онъ гордо. На слова знакомыхъ поздравлявшихъ его и говорившихъ о его счастіи, онъ отвѣчалъ: «Я не знаю что такое счастіе, а знаю, что такое *успѣхъ* и *умѣнье*, а успѣхъ и умѣнье результатъ ума. Вотъ что! Съ умомъ человѣкъ до всего дойдетъ и все пойметъ!»

— Эхъ не всё, думала грустно Минна. Не все умъ на свѣтѣ. Умъ хорошъ, а любящее сердце лучше. «И подумавъ это, добрая Минна тотчасъ раскаивалась, а когда свекровь говорила ей: «Голубинька не золъ, даже очень добръ» она спѣшила соглашаться; такимъ образомъ, всячески успокоивали себя эти двѣ женщины и старались не глядѣть прямо въ глаза истинѣ. Но напрасно твердили онѣ себѣ, что онѣ счастливы; счастія, спокойствія,

душевнаго довольства не было въ этомъ домѣ. Да и могло ли оно быть въ немъ? Въ этомъ богатомъ домѣ не было друзей, ибо г-нъ фонъ-Рейбергъ вѣчно недовольный, скучающій эгоистъ не могъ внушить никому любви къ себѣ; онъ былъ уменъ, но умъ служилъ ему для того только, чтобы порицать другихъ, или подавать совѣты, которыхъ у него не просили, или презрительно отзываться о тѣхъ, кто не имѣлъ ни его удачи въ жизни, ни его состоянія, ни его положенія въ свѣтѣ. Положенія въ свѣтѣ, о которомъ онъ такъ много толковалъ отцу, будучи лѣтъ 18-ти, онъ добился отчасти, и очень дорогою цѣною. Женившись на Миннѣ, онъ получилъ за ней большое состояніе, которое въ скоромъ времени удвоилъ, но съ другой стороны, породнившись съ ея семьею, онъ не съумѣлъ остаться съ нею въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ. Семья Минны очень скоро узнала, что этотъ прелестный собою, отлично учившійся и безпорочнаго поведенія Голубинька, на котораго всѣ такъ любовались, и который смолоду возбуждалъ такія блестящія надежды, лишенъ сердца, и въ сущности холодный, безсердечный эгоистъ. Семья Минны не ссорилась съ нимъ, съ Голубинькой нельзя было ни ссориться, ни мириться; онъ держалъ себя въ отношеніи всѣхъ родныхъ одинаково, почтительно, но холодно, чинно и на церемоніяхъ. Также точно повелъ онъ себя и въ отношеніи друзей Минны. Мало по малу и семья и друзья отдалились отъ него, сожалѣя о ней, столь милой, чувствительной и любящей. Двоюродный братъ Минны въ дѣтствѣ любилъ безъ памяти и ее и Голубиньку, но понявъ въ первую

пору молодости, что Голубинька безсердечный эгоистъ, почувствовалъ къ нему отвращеніе, котораго не скрывалъ. Когда же Голубинька пожелалъ жениться на Миннѣ, Лоло сдѣлалъ все что могъ, чтобы, какъ говорилъ онъ, спасти Минну отъ погибели и несчастія цѣлой жизни. Голубинька, находившійся тогда на верху счастія, и еще любимый тёткою Минны, не могъ простить Лоло его, какъ онъ говорилъ, черной клеветы, и разорвалъ съ нимъ всякія отношенія. При такихъ условіяхъ положеніе Голубиньки въ свѣтѣ было пріятно, но не прочно. Весь городъ былъ знакомъ съ нимъ; важныя лица ѣздили къ нему на званые обѣды и его балы считались первыми въ городѣ, но близко его никто не зналъ, и положительно никто не любилъ. Пріѣхавъ въ городъ послѣ своей свадьбы, (до свадьбы Минна жила всегда въ деревнѣ) она пыталась сойтись поближе и завязать со многими семействами болѣе короткія отношенія, но мужъ ея никому не понравился и дружескія связи не удались. Г-нъ фонъ-Рейбергъ не тужилъ.

— Къ чему такъ называемые друзья, говорилъ онъ, что мы изъ нихъ шубу что-ли шить будемъ? Развѣ тебѣ не довольно мужа? Хочешь принимать, давай балы, я не прочь. Денегъ мнѣ не просить у сосѣда!

И Голубинька смѣялся. Минна была слишкомъ неопытна и молода; она тогда не поняла, что вдвоемъ нельзя прожить всю жизнь, что общество устроено для того, чтобы люди сходились, помогали другъ другу, любили другъ друга. Рѣчь шла не о балахъ и пріемахъ,

не о тратѣ денегъ, а о дружескихъ отношеніяхъ семейства къ семейству, отношеніяхъ, которыя требуютъ не траты денегъ, а только сердечности и взаимной любви и уваженія.

И вотъ жила Минна среди города какъ въ пустынѣ, замужняя, въ одиночествѣ. Мужъ былъ занятъ, она понимала, что безъ занятія никто не долженъ и не можетъ жить, но она не только не могла понять, но не могла примириться съ мыслью, что мужъ ея всегда скучаетъ, всегда не доволенъ, всегда холоденъ съ нею и со всѣми его окружающими. Она видала, что онъ отдавалъ большія суммы управляющему, говоря: «помогите кому необходимо», но не видала, чтобы онъ сказалъ, кому бы то ни было ласковое, сердечное слово. Ее поразила однажды, по ея мнѣнію, страшная сцена. Она выходила съ мужемъ изъ дому, на прогулку, когда старая, опрятно, но бѣдно одѣтая старушка, бросилась къ нему и съ плачемъ силилась поцѣловать его руки, говоря, что онъ спасъ ее и ея единственнаго сына. Г-нъ фонъ Рейбергъ остановился; холодно своими стеклянными, хотя и голубыми какъ незабудки глазами, посмотрѣлъ на старушку и отстраняя ее отъ себя, сказалъ.

«Я не знаю, что мой управитель счелъ нужнымъ сдѣлать для васъ, и даже не хочу знать. Благодарить меня не за что, я исполняю мой долгъ, а васъ не знаю и не имѣю нужды знать. Оставьте меня. Неприлично дѣлать сцены на улицѣ.»

Смутилась, замерла на мѣстѣ старушка, въ глазахъ ея тотчасъ остыли слёзы, будто примерзли отъ внезап-

наго дуновенія полярнаго холода. Смутилась и бѣдная Минна, сперва покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, и на ея глазахъ выступили слёзы.

«Голубчикъ! воскликнула она, можно ли такъ жестоко обойтись съ этой бѣдной старушкой!

— Жестоко, отвѣчалъ ей мужъ, гдѣ же моя жестокость? Я сказалъ ей разумное слово и больше ничего.

Минна попыталась разъяснить мужу, что въ его тонѣ и словахъ заключалось высокомѣріе, презрѣніе, пренебреженіе къ чужой печали и что еще хуже, къ искренней благодарности; но онъ не понялъ жены, а только разсердился на нее и рѣзко повторилъ слова, которыя говорилъ ей часто, и которыя проникали глубоко въ ея любящее сердце и язвили его.

— Знаю, знаю, слышалъ, все это мнѣ знакомо, но все таки я не понимаю и никогда не пойму твоихъ сентиментальныхъ бредней. Все это женская дурь и бабьи сказки. Оставь ихъ про себя и не надоѣдай мнѣ.

Замолчала Минна и со временемъ привыкла молчать, привыкла мыслить, чувствовать, горевать, радоваться и ни съ кѣмъ не дѣлиться своими чувствами, своею жизнію. Жила она въ одномъ домѣ, въ одной комнатѣ съ мужемъ, но нравственно ее отдѣляла отъ него цѣлая бездна. Родные навѣщали ее рѣдко и скучая въ ея домѣ спѣшили уѣзжать. Лоло уѣхалъ далеко и послѣ свадьбы не видалъ ея. Когда ей Богъ послалъ дочь, а вскорѣ въ лицѣ матери мужа—родную мать, Минна нѣсколько оправилась. Всю любовь свою она обратила на дочь и на мать мужа.

Въ отношеніи мужа, она оставалась покорною, внимательною женою, но душу свою отводила только съ дочерью. Когда она сидѣла во флигелѣ у свекрови, съ дочерью на рукахъ, она отдыхала, она чувствовала, что любитъ и любима. Почти никогда не говорила она о мужѣ и ея отношеніяхъ къ нему; но свекровь угадывала, что Минна очень любитъ мужа, но имъ не любима. Старушка давно поняла, что сынъ ея эгоистъ и любить никого не въ состояніи. Минна слабѣла и чахла съ каждымъ днемъ, когда новый, страшный ударъ сразилъ ее окончательно. Она схоронила дочь. Этому доброму существу не суждено было жить. Она умерла внезапно, о ней можно было сказать, какъ сказалъ поэтъ прошлаго столѣтія о рано умершей дѣвушкѣ:

Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

Кто можетъ описать горе матери потерявшей ребенка? Кто можетъ описать горе Минны, потерявшей съ ребенкомъ всё, что еще привязывало ее къ жизни. Первое время она находилась въ какомъ то оцѣпенѣніи; она не плакала, не жаловалась, не говорила ни слова, повиновалась безропотно тому, что ей приказывалъ мужъ, о чемъ ее просила свекровь.

— Выпей это, Минна, дочь моя, говорила старушка, и Минна пила, что ей подавали.

— Что ты сидишь тутъ одна. все молчишь. какъ мертвая, пойдемъ гулять со мной, говорилъ мужъ и Минна шла гулять.

Время шло, Минна опомнилась, но стала тосковать и

плакать. Днёмъ не могла она найти себѣ мѣста, ночью почти не смыкала глазъ. Она видимо чахла.

— Что ты съ собою дѣлаешь? сказала ей однажды свекровь, посмотри на себя, ты извелась совсѣмъ. Чѣмъ ты еще живешь? Вѣдь ты умрешь.

— Я только того и желаю, отвѣчала Минна спокойно, мнѣ жить не чѣмъ и не для кого.

— Какъ жить не чѣмъ, и не для кого? Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что та, которая меня любила, моя милая дочь, у Бога. Я рада буду, когда Богъ возметъ и меня. Жить мнѣ не для кого, я не нужна Голубчику,—онъ меня не любитъ.

— Не грѣшно ли тебѣ!

— Да, онъ не любитъ меня, повторила Минна, не любитъ. Если бы онъ любилъ меня, я бы это чувствовала. Я плакала бы объ Ангеликѣ, какъ матери плачутъ по дѣтяхъ, неутѣшно, но могла бы жить моей любовью къ мужу и его любовью ко мнѣ. Мы бы раздѣлили наше горе и вынесли бы его. Мнѣ дѣлить моего горя не съ кѣмъ и мое горе изведетъ меня.

Старушка не нашла что сказать, ибо сынъ дѣйствительно не раздѣлялъ горя жены. Онъ въ первые дни по смерти дочери казался разстроеннымъ, и нѣсколько разъ воскликнулъ: «смерть ужасна!» Черезъ недѣлю онъ уже не думалъ о Ангеликѣ, а глубокое горе жены ему надоѣдало и мѣшало жить спокойно. Сперва онъ старался стряхнуть съ нее гнетущую печаль, и дѣлалъ это по своему. То предлагалъ онъ ей гулять, то принимать,

то ѣхать въ гости, но видя, что все напрасно, начиналъ сердиться. Входя въ ея комнату и видя ее сидящую на диванѣ сложа руки, блѣдную и худую, онъ махалъ рукой съ неудовольствіемъ и выходилъ вонъ. Иногда пытался онъ развеселить ее иначе и привозилъ ей богатые подарки, то ожерелья, то платья, то заморскихъ собачекъ. Она принимала подарки кротко, и грустно улыбаясь оставляла ихъ. Ей необходимо было ласковое слово, сердечное участіе, но онъ не умѣлъ дать ей его. Всякій день становился ей томительнѣе и одиночество все больше и больше тяготило ее. Наконецъ она слегла въ постель.

Въ этотъ день Голубинька возвратясь домой не только удивился, услышавъ, что жена больна, но даже разсердился не на шутку.

— Да что за напасть такая, воскликнулъ онъ, то одна, то другая. Женишься на здоровой, а она окажется больной, берешь веселую дѣвушку, а она окажется скучной, какъ чума какая!

Онъ вошелъ въ спальню жены и сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Это еще что? отъ чего? Да отвѣчай же, ты простудилась, или съѣла что нибудь.

— Я не выходила изъ комнаты, сказала Минна.

— Ну такъ стало быть больна отъ недостатка чистаго воздуха. Встань ка лучше, я прокачу тебя по городу.

— Я не могу встать, отвѣчала Минна.

— И что за вздоръ! не можешь. Сдѣлай усиліе и встань.

Голубинька никогда не бывалъ боленъ и не могъ понять болѣзни другихъ; онъ даже не совсѣмъ вѣрилъ болѣзни, въ особенности болѣзни женщинъ, и говорилъ, что все это однѣ причуды.

— Да что у тебя болитъ?

— Ничего.

— Поздравляю! ничего не болитъ, а встать не можетъ! Я ничего не пойму, да и какой разумный человѣкъ пойметъ тебя. Все однѣ причуды.

Голубинька махнулъ рукой и вышелъ. Въ другой комнатѣ онъ встрѣтилъ свою мать, которая спѣшила къ Миннѣ.

— Что съ нею? спросилъ онъ у матери, и повторилъ свой вопросъ, не съѣла ли она чего вреднаго, или не простудилась ли?

— Чего ей съѣсть, она вотъ уже три недѣли и то черезъ силу выпьетъ чашку молока.

— Да вѣдь есть же какая нибудь причина ея болѣзни?

— Конечно есть. Она больна съ горя.

— Что?

— Съ горя, говорю я, больна она.

— Ну, ужь извините, а я этому никогда не повѣрю. Можно занемочь отъ простуды, отъ излишней пищи, но съ горя! Это бабьи выдумки.

— Тебѣ все бабьи выдумки; ты ничему не вѣришь, и ничего не понимаешь, а о бабахъ, какъ ты выражаешься призрительно и неприлично, тебѣ говорить не слѣдуетъ. Твоя мать женщина; кто не уважаетъ жен-

щину, не уважаетъ и мать свою; сказавъ это, разсерженная и растроенная старушка вошла въ комнату Минны.

Призвали лучшихъ докторовъ. Обступили они постель Минны, говорили, распрашивали, и рѣшили, что хотя у ней и ничего не болитъ, но что она умираетъ отъ истощенія силъ. Такъ и объявили они мужу ея и матери.

Старушка горько заплакала, сынъ ея озлобился.

— Да отъ чего? что съ ней случилось?

— Этого мы сказать не умѣемъ, отвѣчали доктора; часто болѣзнь развивается отъ многихъ причинъ, и часто причина болѣзни ускользаетъ отъ нашего глаза.

— Удивительно! продолжалъ Голубинька. Пусть ужь тѣ, кто не доѣстъ, не доспитъ, черезъ чуръ работаетъ, умираютъ отъ истощенія и худобы—но ей, *моей женѣ!* воскликнулъ онъ вдругъ съ гордостью и ожесточеніемъ. Спи въ волю, кушай на здоровье, сиди сложа руки, вся въ золотѣ.... и умирать отъ истощенія! удивительно!

— Съ горя, съ горя, воскликнула мать, дочь она потеряла, дочь любила ее, а ты.... ты.... никого у ней не осталось.

— И вы туда же, сказалъ ей сынъ. Да что я злой мужь что ли? Развѣ я ее неволилъ, или въ заперти держалъ, или не давалъ денегъ—всего у ней было вдоволь.

— Кромѣ любви и ласки, сказала ему мать.

— Вотъ еще что вздумали! сказалъ сынъ и презрительно пожалъ плечами.

Умирала Минна тихо и кротко, какъ жила, безъ жа-

лобы, безъ упрековъ. Только за день до смерти съ ней сдѣлался бредъ. Она металась и говорила по мнѣнію ея мужа безсмысленныя слова, но такимъ жалостнымъ голосомъ, что всѣ плакали.

— Не чѣмъ жить, повторила она, не чѣмъ, не для кого.... Онъ не любитъ.... моя любовь въ тягость.... со мной скучаетъ.... дочь любила... уйду къ ней.... золото.... подарки.... что мнѣ.... любовь его.... никогда не любилъ....

Умерла Минна,—похоронили ее пышно, богато, около ея маленькой дочки и надъ ихъ могилой богатый мужъ и отецъ поставилъ великолѣпный памятникъ. Надпись гласила, что неутѣшный супругъ и скорбящій отецъ Г-нъ Фонъ Рейбергъ воздвигъ этотъ монументъ въ знакъ своей любви къ усопшимъ.

ГЛАВА IV.

Былъ ли Голубинька неутѣшный мужъ и скорбящій отецъ? Конечно нѣтъ. Онъ не могъ скорбѣть, ибо не могъ любить; но по своему онъ сожалѣлъ о дочери и женѣ. Бывало придетъ домой—пусто, никого, не съ кѣмъ слово молвить; пойдетъ къ матери, а старушка видимо старѣется и все говоритъ о умершей внучкѣ и невѣсткѣ.

— Вотъ, думаетъ онъ, пришелъ сюда разсѣяться, позабыть о моемъ несчастіи, а она опять все о нихъ, да о смерти. Лучше уйду.

И уходилъ онъ въ мужское собраніе и старался въ кругу знакомыхъ развлечься.... и развлекался конечно, но проклиналъ судьбу и чувствовалъ, что жить ему тошно. Онъ былъ несчастливъ по своему. Онъ не сожалѣлъ о женѣ и дочери изъ любви къ нимъ, но потому, что въ извѣстные часы дня онѣ были нужны для его удовольствія и комфорта. Обѣдать одному показалось ему скучно, кататься одному въ коляскѣ несносно, а когда онъ зазывалъ гостей, то занимать ихъ, неволить себя для нихъ, казалось ему еще несноснѣе. Когда же однажды онъ простудился и занемогъ,—а онъ страшно боялся болѣзни, и не могъ слышать безъ содраганія о смерти,—то ему показалось, что его постигло ужаснѣйшее несчастіе. Болѣзнь его была пустая, но онъ лежалъ и охалъ. Старая мать черезъ силу пришла къ

нему изъ своего флигеля, просидѣла съ нимъ до поздняго вечера, и видя, что нѣтъ ничего серьезнаго, и не будучи въ состояніи просидѣть всю ночь, ушла къ себѣ. Голубинька остался одинъ.

— Какая жизнь, думалъ онъ, лежа въ постели, эдакъ придется пролежать одному, какъ собакѣ. Бывало Минна глазъ не сомкнетъ, когда мнѣ нездоровилось, никого ко мнѣ не подпуститъ, все сама, и лѣкарства дастъ и разговоръ ведетъ, а теперь одинъ—жалкій я человѣкъ! Горькая судьба!—И онъ вздохнулъ.—Нѣтъ, кончено, рѣшено, женюсь опять. Человѣку безъ жены не хорошо одному—ну, и дѣти опять будутъ.

Лишь только простуда прошла, Голубинька хотя еще и въ глубокомъ трауре, (ибо не прошло шести мѣсяцевъ послѣ смерти Минны) отправился съ визитами и сталъ высматривать невѣстъ. Онъ былъ богатъ, и ему не нужно было богатой, но онъ хотѣлъ молодую жену, которая бы украсила собою его великолѣпный домъ, и которою онъ бы могъ щеголять и кичиться, какъ кичился своими экипажами, лошадьми, домомъ и пріемами. И вотъ онъ замѣтилъ прекрасную, стройную Антонію, дочь бургомистра или по нашему городничаго. Городничій занималъ почетное въ городѣ мѣсто, но не былъ богатъ, а дочь его любила выѣзжать, рядиться, принимать. Она была умна и любезна. Не долго думалъ Голубинька. Онъ побывалъ раза три у отца Антоніи, раза два видѣлъ его дочь мелькомъ и рѣшился посвататься. Въ тотъ день какъ онъ принялъ это рѣшеніе, онъ вспомнилъ о матери и явился къ ней.

— Матушка, сказалъ онъ, я рѣшился жениться.

— Такъ скоро, такъ скоро! произнесла мать съ стѣсненіемъ сердца.

— Помилуйте—это вамъ скоро показалось, а для меня эти шесть мѣсяцевъ длились какъ два года. Некому слово сказать. некому хозяйство держать въ порядкѣ, а боленъ—такъ лежи одинъ, какъ собака. Покорно благодарю за такую каторжную жизнь, прибавилъ онъ раздражительно и жолчно засмѣялся.

— Я тебѣ не мѣшаю, дѣлай какъ знаешь, сказала старая мать. желая его успокоить.

— Еще бы! да развѣ я малолѣтній! Я ужь слава Богу изъ опеки вышелъ. Я пришелъ объявить вамъ, потому что вы мать и я долженъ соблюдать почтеніе. Ну, я выбралъ дочь бургомистра Антонію. Она красавица. Нынче я попрошу руки ея; а вѣроятно завтра она пріѣдетъ знакомиться съ вами. Прикажите убрать все получше, да возьмите изъ дому новую мебель. Или я прикажу управителю, онъ купитъ вамъ новую.

— И эта хороша, я къ ней привыкла. Ее устанавливала и выбирала для меня моя милая дочь.

— Все равно—надо другую. Моя невѣста большая щеголиха и найдетъ эту мебель слишкомъ старой. Не прилично, чтобы у *моей* матери было что либо вышедшее изъ моды.

— Хорошо ли ты знакомъ съ твоей невѣстой? Кажется, гдѣ найти другую Минну. Это былъ ангелъ, не женщина. Давно ты съ ней знакомъ?

— Я давно знаю отца ея, а ее видѣлъ два раза.

— И рѣшаешся жениться! воскликнула мать.

— Всѣ женщины похожи другъ на друга, сказалъ сынъ смѣясь, всѣ онѣ дочери Еввы. Главное, надо умѣть держать ихъ въ рукахъ — и дѣло пойдетъ отлично.

— Какъ знаешь, печально сказала мать, не желая спорить и зная по опыту, что совѣты или разсужденія безполезны. Сынъ ея считалъ себя самымъ разумнымъ, самымъ умнымъ человѣкомъ на свѣтѣ и не слушалъ совѣтовъ.

На другой день явилась Антонія съ своей матерью, къ матери Голубеньки. Она была дѣйствительно прекрасна. Чудные ея волосы заплетены были широкою косою, которая лежала на головѣ ея какъ золотая корона. Одѣта она была, не смотря на небольшое состояніе родителей, болѣе чѣмъ богато и по послѣдней модѣ. Она была весела, постоянно смѣялась и не смотря на серьёзность старушки одѣтой въ глубочайшій трауръ, только и говорила что о нарядахъ, праздникахъ и пріемахъ. Старушкѣ она не понравилась. Въ ея сѣрыхъ глазахъ, въ ея походкѣ, въ ея высокомъ станѣ не нашла она ни прелести, ни граціи; но не могла не сознаться, что она красавица.

— Ну что? Не правда ли красавица? спросилъ у матери повеселѣвшій сынъ, когда невѣста уѣхала.

— Да, она хороша, только должно быть очень холодная женщина.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Тоже, что и другіе — холодная, тщеславная, суетная, не умѣющая любить, безъ сердца.

— Ну, а куда годно это сердце? Вотъ Минна была добрая жена, ну а отъ ея сердца, то есть отъ сентиментальности ея, я иногда съ ума сходилъ и со скуки и съ досады. Я очень радъ, что Антонія холодная женщина, какъ вы выражаетесь. Надѣюсь, что этотъ второй выборъ будетъ лучше перваго. И условія другія. Я былъ бѣденъ, Минна принесла съ собою состояніе. Я его удвоилъ. Теперь я богатъ и беру бѣдную дѣвушку. Она будетъ мнѣ всѣмъ обязана, слѣдственно, во всемъ покорна. Такъ ли, матушка? кажется логично, прибавилъ онъ смѣясь.

— Не знаю логично ли, сказала мать, и всегда ли что логично то справедливо, скажу одно: врядъ ли найти другую Минну. Дай Богъ тебѣ! Дай Богъ!

И женился Г-нъ Фонъ Рейбергъ, прежде чѣмъ минулъ годъ по смерти Минны. Въ городѣ говорили, что это не совсѣмъ прилично, но весь городъ пріѣхалъ на богатую свадьбу. Невѣста была покрыта бриллiантами и подарками жениха и блистала красотою. Породнившись съ бургомистромъ, первымъ лицомъ въ городѣ, Г-нъ Фонъ Рейбергъ сдѣлался еще важнѣе.

Жена его взялась дѣятельно за управленіе домомъ, и нашла, что почти все надо перемѣнить, передѣлать, купить вновь. Огромныя суммы истратила она на устройство и украшеніе дома, послѣ чего начались пріемы. Она говорила, что при ихъ богатствѣ и положеніи принимать должно, и стыдно не пользоваться самимъ и не вы казывать другимъ своего богатства. Господинъ Фонъ Рейбергъ находилъ, что жена его права, и когда она вы-

ражала свой образъ мыслей. онъ всегда былъ съ нею согласенъ, ибо она мыслила какъ онъ самъ. Она какъ онъ не любила ничего простого, ничего задушевнаго и сердечнаго. У ней какъ у него не было близкихъ друзей и она ихъ имѣть не желала, а довольствовалась знакомыми. Она, какъ онъ, говорила постоянно о благоразуміи, приличіи, умѣньи держать себя высоко съ низшими и искуствѣ составлять связи съ высшими. Какъ онъ, оча любила выставлять на показъ свое богатство, не жалѣла денегъ для нарядовъ, но жалѣла ихъ для неимущихъ подчиненныхъ и своихъ небогатыхъ родныхъ. Въ этомъ отношеніи она оказалась хуже мужа, никому не помогала въ своей семьѣ и уменьшила ту сумму, которая въ расходной, акуратно веденной книгѣ, значилась подъ графой: *милостыня*, и раздавалась черезъ управляющаго бѣднымъ города. Она попыталась убавить ежегодную пенсію, которую очень акуратно мужъ ея давалъ своей матери, говоря, что такой старухѣ не нужно столько денегъ. Но Г-нъ Фонъ Рейбергъ не любилъ, чтобы путались въ его дѣла. Онъ сухо и холодно остановилъ жену.

— Не вмѣшивайтесь (они ради моды соблюдали строгій этикетъ и говорили другъ другу вы) не вмѣшивайтесь въ это дѣло—вашъ кругъ дѣятельности ограничивается домомъ, пріемами, выѣздами,—затѣмъ моя сфера и я въ нее никого не могу допустить.

Антонія надула губы, повернулась и напѣвая звонкимъ голосомъ какую то арію, вышла изъ комнаты.

Съ этихъ поръ она возненавидѣла свою свекровь и

обращалась съ ней высокомѣрно, давая ей чувствовать, что она живетъ у сына изъ милости, что она простая, необразованная женщина, что была женою простого лѣсничаго. Кроткая и добрая мать господина Фонъ Рейберга сносила все это и никогда не показывала виду своему сыну, что невѣстка не пропускаетъ удобнаго случая уколоть ее. Сынъ же самъ не видалъ ничего и не подозрѣвалъ, что жизнь его матери сдѣлалась очень тяжкою. Въ такихъ случаяхъ сердце заставляетъ мущину угадать положеніе матери, жены или сестры, но вы знаете, что у него его не было. Однако же, не смотря на отсутствіе сердца, не смотря на сходство его мнѣній съ мнѣніями жены, онъ скоро почувствовалъ, что жизнь его не легка. Онъ приходилъ домой—и никто не встрѣчалъ его радостно; жена или сидѣла въ своемъ кабинетѣ съ гостьми или за модной работой и очень равнодушно говорила, увидя его:

— А! это вы! ужь воротились!

Когда она замѣчала, что мужъ скучаетъ, она и не думала спросить о чемъ, или приласкаться, какъ бывало Минна и говорила:

— Ахъ! опять не въ духѣ! какъ вы мнѣ надоѣли! и она надувала свои хорошенькія губки и напѣвая арію вскорѣ уѣзжала въ гости. Когда ему случалось занемочь, жена его посылала за первымъ въ городѣ докторомъ и за сидѣлкой. Два, три раза на день входила она къ нему въ комнату, разряженная и раздушенная и спрашивала: лучше ли ему? Она едва выслушивала отвѣтъ и уходила граціозно изъ комнаты, за нею вилось ея воздушное платье, а онъ оставался одинъ съ сидѣлкой.

Никто уже не звалъ его Голубчикомъ. никто не цѣловалъ его, не прижимался къ его сердцу—стало быть никто не безпокоилъ его; а ему становилось все болѣе и болѣе жутко, онъ все больше скучалъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, а на другой годъ дочь, которыми мать занималась очень мало. Они росли въ дѣтской, куда рѣдко заходила она, а отецъ еще рѣже. Года черезъ три, оказались поводы къ неудовольствiю Хотя Г-нъ Фонъ Рейбергъ любилъ пышно принимать, но не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ дѣлать долги. Оказалось, что красавица жена на второй годъ замужества стала тратить безумно, и что дохода ихъ, хотя огромнаго, недостаточно. Онъ просмотрѣлъ книги и ужаснулся искусству жены тратить и чрезмѣрной быстротѣ, съ которою золото текло черезъ ея хорошенькiе пальцы.

Онъ бросилъ книгу съ досадой и вошелъ къ женѣ. Онъ нашелъ ее съ торговкой, принесшей кружева. Она ихъ разсматривала жадными глазами и воскликнула, увидя мужа:

— Пошлите сей часъ въ контору за.... за.... сколько вы сказали слѣдуетъ вамъ, обратилась она къ торговкѣ.

— Три тысячи дукатовъ.

— За тремя тысячами дукатовъ, повторила оно равнодушно.

— Хорошо, послѣ, сказалъ мужъ мрачно и прибавилъ, обращаясь къ торговкѣ: приходите завтра....

— Но ваше высокопревосходительство....

— Я не высокопревосходительство, перебилъ онъ довольно рѣзко.

— Жена здѣшняго богатѣйшаго банкира желала купить это самое кружево и если вы не....

— Продавайте его, сказалъ онъ холодно. Вы знаете, что такое три тысячи дукатовъ, ихъ не найдешь на улицѣ. Если вамъ кто дастъ ихъ, берите скорѣй; ну, а теперь, ступайте.

Торговка видя, что вѣтеръ дуетъ не въ ея сторону, поспѣшно собрала свои дорогія тряпки и вышла изъ комнаты.

Въ продолженіи всей этой сцены, Антонія сидѣла въ креслѣ, сложивъ руки, блѣдная отъ гнѣва и кусала свои пунцовыя губы съ досады. Когда торговка вышла, она обратилась къ мужу и холодно сказала ему:

— Теперь объясните мнѣ ваше странное и неприличное поведеніе.

— Знаете ли вы, сколько вы или лучше мы, — я имѣлъ глупость позволить вамъ сорить деньгами, — истратили за прошлый годъ? сказалъ Фонъ Рейбергъ торжественно, желая озадачить и сконфузить жену.

— Не знаю, отвѣчала она равнодушно, да и знать не хочу.

Фонъ Рейбергъ былъ озадаченъ самъ, и съ минуту молчалъ, не зная, что сказать. Когда онъ оправился отъ перваго смущенія, то разсердился не на шутку.

— Только нищія дѣвчонки, которыхъ берутъ богатые люди за красоту, могутъ тратить, не считая, и способны

разорить мужа въ три года, пустить дѣтей по міру, сказалъ онъ рѣзко и медленно.

Антонія вспыхнула.

— Только низко рожденные люди, воспитанные изъ милости, и вышедшіе въ люди ради богатства первой жены, способны укорять высокорожденную жену за то, что она была бѣдна, произнесла Антонія также рѣзко и медленно.

Фонъ Рейбергъ поблѣднѣлъ.

— Молчать! сказалъ онъ повелительно; помните, что вы теперь жена моя, слышите, жена моя, и ничего больше.

— Не буду я молчать, съ чего вы взяли, что я буду молчать? Помните сами, что хотя я и имѣла глупость выйти за васъ ради вашего состоянія, я не менѣе того дочь бургомистра и стою неизмѣримо выше васъ.

— Этотъ споръ неприличенъ, сказалъ опомнившись Фонъ Рейбергъ, кончимте его. Я не буду впредь упрекать васъ въ излишнихъ тратахъ. Жена тратитъ лишь то, что позволяетъ ей мужъ. Мужъ глава. Я не позволю вамъ тратить копейкой больше, чѣмъ самъ назначу.

— Антонія улыбнулась насмѣшливо.

— Увидимъ, проборматала она сквозь зубы.

— Завтра я пришлю вамъ смѣту и помните, что я требую отъ васъ безусловнаго повиновенія.

На другой день онъ прислалъ ей смѣту расходовъ на цѣлый годъ, не получилъ отъ ней отвѣта и не зналъ, конечно, что она скомкала бумагу и бросила ее въ каминъ, не взглянувъ на нее.

Съ этого дня отношенія мужа и жены сдѣлались невыносимы. Онъ не могъ ни забыть, ни простить удара, который она нанесла ему въ самое чувствительное мѣсто. Онъ въ тайнѣ всегда сожалѣлъ, что родился сыномъ простого лѣсничаго, хотя ему и случалось хвастать своимъ рожденіемъ и говорить, что онъ самъ сдѣлалъ изъ себя человѣка и презираетъ лицъ высокорожденныхъ. Онъ въ сущности не только не презиралъ ихъ, но желчно имъ завидовалъ; жена упрекнувъ его рожденіемъ, сдѣлалась въ единый мигъ ему постылой. Она, съ своей стороны, не могла простить мужу, что онъ упрекнулъ ее бѣдностью и еще больше, что вздумалъ управлять ею какъ ребенкомъ, назначать на туалетъ ея извѣстную сумму, будто жалованье своей кухаркѣ, говорила она, и грозиться, что не дастъ лишней копейки на домашніе расходы.

— Зачѣмъ же я вышла за васъ замужъ? сказала она ему однажды, если не могу тратить сколько хочу, зачѣмъ я вступила въ *такое* семейство и выношу вашу мать, которая не воспитана и не рождена въ одномъ кругу со мною.

— Я васъ прошу, я вамъ приказываю не говорить о моей матери.

Антонія разсмѣялась:

— Да что вы? сказала она, помѣшались что-ли? успокойтесь, ради самаго неба. Что я сказала? подумаешь, я оскорбила вашу мать. Я сказала только, что она иначе воспитана, чѣмъ я, и не одного со мною круга. Это сущая правда, и не дальше какъ вчера мнѣ говорила то же сама Баронесса...

— Да вы не женщина, а змѣя, сказалъ мужъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ концѣ года, кромѣ назначенной имъ для туалета жены и дома суммы, ему принесли со всѣхъ сторонъ счеты и счеты, онъ уплатилъ ихъ молча; долго сидѣлъ задумавшись и наконецъ отправился къ матери, которую со времени своей женитьбы видалъ очень рѣдко.

Онъ нашелъ, что старушка опустилась и постарѣла. Она въ своемъ глубокомъ траурѣ, котораго не скидала, сидѣла какъ восковая. Сухія, желтыя руки ея, не смотря на слабость, слѣпоту и старость также быстро и прилежно работали. Она вязала.

— Я къ вамъ за совѣтомъ, матушка, сказалъ сынъ.

Она взглянула и молчала.

— Я не лажу съ женою. Она много тратитъ, а когда я пересталъ давать ей деньги, не считая, она надѣлала долговъ. Вчера мнѣ принесли кучу счетовъ; я уплатилъ по нимъ, чтобы избѣгнуть скандала, но я не хочу впредь позволять ей сорить моими деньгами. Что мнѣ дѣлать?

— Между мужемъ и женою судить трудно, сказала мать. Если жена тебя не довольно любитъ...

Сынъ пожалъ плечами.

— Старая пѣсня, сказалъ онъ. Рѣчь не о любви, а о деньгахъ.

— Старая и вѣчная пѣсня, возразила мать, одна и таже споконъ вѣка; если она тебя не довольно любитъ и уважаетъ, чтобы исполнить твое желаніе, покориться твоей волѣ, попробуй обратиться къ ея благоразумію. Покажи ей свои книги, объяви свои доходы и скажи,

что состоянія вашего не хватитъ на столь неблагора зумныя траты, что она разоритъ тебя и дѣтей.

— Стало быть мнѣ надо ей покориться, просить ее.. ее! сказалъ сынъ съ гнѣвомъ. Вспомните, что я за Минной взялъ большое состояніе и управлялъ имъ, какъ хотѣлъ. Она никогда и не упоминала о своихъ деньгахъ и считала ихъ моими. Я давалъ ей что хотѣлъ и она всѣмъ была довольна. Теперь я сталъ богатъ, взялъ жену безъ гроша, бѣднягу, и долженъ изъ своихъ же доходовъ, просить ее изъ милости не разорять меня. Да это ни на что не похоже!

— Что дѣлать, женился, тяни лямку. Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Надо было сперва осмотрѣться, узнать ее короче, ознакомиться съ ней. Нельзя жениться зря. Она не Минна; я говорила, что другой Минны не сыскать тебѣ. Не берегъ ты своего счастія!

Старушка заплакала. Сынъ ея вздохнулъ.

— Я ее брошу, сказалъ онъ.

— Это не хорошо, отвѣчала мать. А дѣтей куда дѣнешь? Что дѣти безъ матери? Ты просишь совѣта, на это нѣтъ моего согласія.

— Я объявлю всѣмъ, чтобы ей не вѣрили въ долгъ, что я ея долговъ платить не намѣренъ.

— Да вѣдь это стыдъ, позоръ... она мать твоихъ дѣтей. Объявить что ты не платишь по ея счетамъ, все равно, что объявить, что ты ее не уважаешь, не имѣешь къ ней довѣрія, что ты живешь съ нею дурно.

— Ваша правда, сказалъ сынъ, но я не хочу, я не могу покориться ей.

— Да развѣ это покориться, это только обращаться съ нею какъ съ женою.

— Я никогда не обращался такъ съ Минной, одно мое слово было ея закономъ.

— Она любила и уважала тебя, сказала мать.

Сынъ не отвѣтилъ ни слова. Онъ уже начиналъ понимать, что хорошо человѣку то, что называла мать *быть любимымъ*, хотя самъ любить не могъ. Въ слѣдствіе этого и несносной жизни съ женою, онъ сталъ чаще заходить къ дѣтямъ, но дѣти его не знали и его дичились. Онъ не воображалъ, что няньки пугали ихъ отцемъ, какъ букой. Лишь только ребенокъ начиналъ плакать, какъ няня кричала: А вотъ, погоди, придетъ отецъ, онъ тебѣ задастъ! Дѣти, невидя почти никогда отца, боялись его какъ звѣря. Не будучи отъ природы ласковъ, онъ не могъ ихъ пріучить къ себѣ. Они косились на него и едва отвѣчали на его вопросы. Это надоѣдало ему и онъ уходилъ къ матери. Часто по цѣлому часу сидѣлъ онъ у ней молча, скучая гораздо больше, чѣмъ при жизни Минны, но чувствуя, что ему сноснѣе въ небольшой спальнѣ матери, чѣмъ въ раззолоченыхъ палатахъ, гдѣ красавица жена, окруженная гостями, болтала съ утра до вечера не заботясь ни о чемъ и ни о комъ.

Къ сожалѣнію чѣмъ больше онъ, ради своего спокойствія, сидѣлъ съ матерью, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что ей жить не долго, и что она замѣтно угасаетъ. Скоро старушка слегла въ постель. Сынъ замѣтилъ отсутствіе жены и дѣтей и счелъ это неприличнымъ. Когда онъ

сказалъ Антоніи, что желаетъ, чтобы она навѣщала его мать и присылала къ ней дѣтей, она презрительно улыбнулась и насмѣшливо спросила у него, давно ли между нимъ и его матерью завязалась такая тѣсная дружба? Что же касается до дѣтей, то она считаетъ вреднымъ для ихъ здоровья посылать ихъ въ душную комнату умирающей старухи.

Онъ не отвѣтилъ ей ни слова; на другой день она однако пришла на минуту къ больной, но вѣжливость ея съ свекровью была такъ надменна, равнодушіе свое къ ней и къ мужу она такъ мало скрывала, что ея посѣщеніе оказалось тягостью. Мужъ не выносилъ надменности красавицы жены потому особенно, что ему казалось, что она пренебрегаетъ его матерью, а слѣдственно и имъ, считая ихъ по происхожденію гораздо ниже себя. Онъ не ошибался. Эта мысль постоянно грызла его и не давала ему покоя.

И мать умерла благословляя сына, и послѣднее слово ея было горько:

— Бѣдный Голубинька, сказала она умирая, несчастный мой Голубинька, не съумѣлъ ты сберечь своего счастія. Я умру и некому будетъ любить тебя, никто тебя не любитъ, какъ то ты доживешь свой вѣкъ!...

Дѣйствительно, несчастный Голубинька услышалъ въ послѣдній разъ своей жизни отъ матери имя Голубиньки, данное ему въ минуту любви, которымъ звали его всѣ тѣ, которые его любили и любви которыхъ оцѣнить онъ не умѣлъ. Жизнь его послѣ смерти матери стала гораздо тяжелѣе. Ему уже минуло 50 лѣтъ, онъ

доживалъ вѣкъ свой одиноко безъ дружбы, безъ любви, безъ интереса въ жизни. Богатство его не радовало, значительное положеніе въ свѣтѣ не веселило. Мрачный, одинокій бродилъ онъ въ своихъ роскошныхъ гостиныхъ и садахъ. Ни одинъ бѣдняга на свѣтѣ, увидя его желтое худое лицо, его потухшіе глаза, не могъ бы ему позавидовать. Никто на свѣтѣ, увидя его, не могъ бы угадать, что онъ съ молоду былъ красавцемъ, на котораго заглядывались. Онъ не жилъ, а тянулъ лямку безрадостной жизни, чужой своей женѣ и чужой своимъ дѣтямъ. Дѣти росли въ одномъ съ нимъ домѣ, но не могли любить его. Казалось, смерть была бы для него благодѣяніемъ, но увы, онъ боялся смерти, хотя жизнь его не радовала. Онъ сознавалъ, что онъ самый несчастный человѣкъ на этомъ свѣтѣ. Всѣ этому вѣрили и всѣ это знали.

КОНЕЦЪ.

Разсказы про нѣкоторые промыслы въ Россіи. Горѣлова, ц. 11 к
Растеніе. Первые уроки ботаники. И. Н. Зарубина, ц. 15 к.
Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія для учителей сельскихъ училищъ. Н. А. Соковнина, ц. 1 р. 25 к

КНИЖКИ ДЛЯ ШКОЛЪ

ОДОБРЕННЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Петръ Первый	5 к.
Старый Дворецкій	5 —
Капитанъ Боппъ	5 —
Былины и легенды	5 —
Когда я былъ маленькій	5 —
Аѳонская гора	5 —
Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія	5 —
Сельская школа	5 —
Добрая и злая жена	5 —
Океаны	5 —
Разсказы Ваненко	6 —
Западная Сибирь	5 —
Маша	5 —
Аравія	6 —
Петруша	5 —
Тобольская губернія	5 —
Охота за зайцемъ	5 —

Инородцы Западной Сибири........................ 5 к.

Индія.. 5 —

Къ пятнадцатилѣтнимъ......................... 6 —

Сѣверное Сіяніе, Тундра, Тайга................. 5 —

Какъ питается человѣкъ. Изд. 2-е............... 10 —

Чѣмъ питается человѣкъ. Изд. 2-е............... 10 —

Какъ живетъ растеніе. Изд. 2-е................ 15 —

Аннушка....................................... 5 —

Жизнь Свв. Кирилла и Меѳодія, учителей славянск. Изд. 2-е. 10 —

Что такое воздухъ и вліяніе его на животныхъ и растенія. Вейнберга. Изд. 2-е.................... 10 —

Благочестивыя мысли и наставленія для руководства христіанину на пути къ совершенству.............. 10 —

Святыня и достопамятности московскаго Кримля. Е. Вельтманъ. 8 —

О томъ какъ костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за царя. В. Дорогобужинова.......... 6 —

Начальное обученіе отечественному языку по методѣ Вурста А. Чумикова.................................. 50 —

Въ печати *Звѣздочка* Е. Туръ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ НАХОДИТСЯ НА МОХОВОЙ, ВЪ Д. ТОРЛЕЦКАГО.